

БИБЛИОТЕЧКА ЖУРНАЛА

1/25/. 1984

СОВЕТСКАЯ МИЛИЦИЯ

М. Трофимов

ВОКЗАЛ

В ПЯТЬ ЧАСОВ утра милиционер-водитель отдела вневедомственной охраны при Москворецком РУВД г. Москвы младший сержант милиции Николай Ледовской по рации получил приказ: — Следуйте на Дубининскую, 65. На помощь! Развернув «Жигули», Ледовской помчался на предельной скорости. Через три минуты во дворе большого дома его встретил милиционер. «Вор проник в квартиру, — сообщил он, — но не учел, что она под охраной.

Заметив нашу машину, выпрыгнул в окно. Старший экипажа — за ним, а я жду подкрепления. Приметы преступника — высокий, в сером пальто и шляпе.

Ледовской тотчас вырулил на Дубининскую, полагая, что вор постарается уйти как можно дальше. Улица еще не пробудилась, просматривалась далеко. Патрулируя ее, он решил проверить прилегающие переулки. Свернул в ближайший. По нему бежал человек в сером пальто и шляпе. Полный газ. Незнакомец оглянулся. Спусти секунды Ледовской поравнялся с ним. Тот в сторону. Бросив машину, Ледовской кинулся вслед. Видя, что от милиционера не уйти, преступник развернулся и занес нож. Ледовской перехватил кисть. Описав дугу, нож стукнулся об асфальт. Падая, мужчина улек младшего сержанта за собой. Завязалась схватка. В разгаре борьбы преступник пустил в ход второй нож. Произительная боль откинула милиционера назад. С трудом сохранив равновесие, он выхватил оружие. «Не вставать!» — прокричал он.

Распластавшись на асфальте, преступник вздрагивал от страха, а Ледовской, сжимая пистолет, чувствовал, как теряет силы. Но крепился, поглядывая вперед: не покажется ли кто на улице! Головокружение усилилось.

«Только бы не упасть», — подбадривал себя младший сержант. И тут услышал шум: во двор въезжал хлебный фургон. Водитель сразу понял, в чем дело, и пришел на помощь.

«Ну и крупную птицу ты поймал, — шутили товарищи, — известие Николая в больнице. — Рецидивист, два года разыскивали его...»

За мужество и образцовое выполнение долга Николай Федорович Ледовской награжден орденом Красной Звезды.

ПО ЗАКОНАМ МУЖЕСТВА

1 / 25 / . 1984

**БИБЛИОТЕЧКА
ЖУРНАЛА
«СОВЕТСКАЯ
МИЛИЦИЯ»**

Михаил Трофимов

ВОКЗАЛ

Эдуард Дорофеев

СТОЛКНОВЕНИЕ

Герман Тырчалов

ЯВКА С ПОВИННОЙ

Москва, 1984

Главный редактор **Н. И. Ветров.**

Редакторы выпуска **В. М. Панченко, В. А. Ширяев.**

Художник **Н. С. Михайлов.**

Художественный редактор **В. Н. Ступин.**

Технический редактор **О. С. Пронькина.**

Корректор **Т. Г. Баканова.**

© Библиотечка журнала
«Советская милиция», 1984 г.

Михаил Трофимов

ВОКЗАЛ

ПОВЕСТЬ

СТУК в крепкую, обитую листовым железом дверь камеры становился все настойчивее. Дежурный по изолятору для временного содержания постоял минуту у двери, отдернул засов и распахнул дверь.

Стучавший от неожиданности отскочил назад. Рослый, плечистый старшина милиции молча смотрел на обитателя камеры — щуплого, сутуловатого, с бледным и заметно опухшим лицом человека.

— Почему безобразничаєте, Сонькин? — негромко, разделяя слова значительными паузами, спросил старшина.

Сонькин как бы пришел в себя: внушительная фигура милиционера произвела на него надлежащее впечатление.

— Простите, — невнятно пробормотал он, как-то кособоко пожевываясь, — я хотел, я... — Однако клокотавшая в его хилой груди ярость, подавленная на миг, видать, взметнулась вновь. — Начальника давай! — хрипло выкрикнул он.

— Не кричите, — мирно говорил старшина, — нехорошо!

— Начальника! — не сдавался Сонькин.

— Еще раз говорю: тихо! — старшина усилием воли погасил раздражение. — Ну зачем? Криком ничего не добьешься! Материал о ваших действиях передан следователю. Следователя сейчас нет, он занят другими делами. К вечеру будет, разберется.

— Не могу, не могу! — плаксиво ныл Сонькин. — Забрали ни за что ни про что!

— Ну это зря! — возразил старшина. — Вас же с поличным задержали.

— Не крал! Жизнью клянусь, не крал! — Сонькин смахнул со щеки вдруг выскользнувшую слезу. — Напраслина, напраслина на меня!

— И все-таки шуметь не надо, — терпеливо повторил стар-

шина. — Ну что будет, если все стучать и кричать начнут? Не надо. Сидите смирно. Придет следователь, разберется, все растолкует. Не виноват — тут же отпустит.

Речь старшины звучала убедительно. Сонькин постепенно успокоился. Под конец даже некое подобие улыбки промелькнуло на его бледных тонких губах.

— Ну, коли ты такой добрый... — проговорил он.

— Тогда — что? — догадываясь, улыбнулся старшина.

— Тогда дал бы ты мне закурить, — неожиданно жалостливо и конфузливо попросил Сонькин. — И чего это я один в камере оказался...

— Закурить дам, — сказал старшина, — а шуметь не надо. Договорились?

Сонькин вздохнул и молча кивнул.

СЛЕДОВАТЕЛЬ вышел из прокуратуры и быстрым шагом, почти бегом направился к автобусной остановке. В прокуратуре он совершенно неожиданно пробыл дольше, чем предполагал. И теперь пришлось думать о том, как успеть выполнить все дела, намеченные на день.

А дел было немало. Надо съездить в следственный изолятор, предъявить обвинение одному из арестованных и ознакомить с материалами дела другого. Затем побывать в психиатрической больнице и получить там заключение амбулаторной судебно-психиатрической экспертной комиссии на подследственного. Тот совершил ограбление в пригородном электропоезде и вызвал сомнение в психической полноценности.

И лишь сделав все это, можно было вернуться в следственное отделение и заняться новыми, только вчера полученными от начальника материалами.

На нехватку времени следователю никакой скидки не полагается. Успевай! Успевать нелегко, когда в производстве находится одновременно несколько уголовных дел. Это особенно сложно для следователя, работающего в органах внутренних дел на транспорте, каковым и является капитан милиции Гвоздев.

К середине дня Гвоздев намеревался закончить работу в следственном изоляторе, съездить в психбольницу и часам к четырем вернуться к себе в отделение. Но все непредвиденно осложнилось, и вернулся он только к семи часам вечера. Бегло просмотрев новые материалы, Александр Михайлович попросил привести к нему Сонькина.

— Присаживайтесь, — Александр Михайлович кивком показал ему на стул, — потолкуем...

— Мне этого только и нужно, — с готовностью ответил Сонькин.

Пока Александр Михайлович еще раз просматривал материалы, Сонькин нетерпеливо ерзал на стуле.

— Ну что, Павел Семенович, — обратился к нему Гвоздев, — поговорим?

— Сigaretой не угостите? — заискивающим голосом попросил Сонькин.

Гвоздев сам не курил, но в ящике его стола всегда лежали сигареты и спички.

Получив сигарету, Сонькин несколько раз жадно затянулся, потом сказал:

— Хотите, чтоб я признался?

— Суть дела от этого не меняется, — спокойно сказал Александр Михайлович, — но признание вины предполагает раскаяние в содеянном. Раскаяние же по закону является смягчающим вину обстоятельством. Это и на определение меры наказания влияет.

— Знаю, — обронил Сонькин, — воробей я, как говорится, стрелный. У меня вопрос. Так сказать, для общего образования. Можно?

— Спрашивайте.

— Почему следователи каждый раз старательно добиваются признания вины, почему они так делают, если, как вы сами говорите, это сути дела не меняет?

Гвоздев на минуту задумался: трафаретно отвечать не хотелось, чувствовал, что в этом невзрачном на вид человеке есть что-то особенное, хотя назвать это «особенное» он теперь затруднился бы.

— Я бы о многом мог сказать, — подумав, проговорил он, — но скажу не главное, а, некоторым образом, второстепенное, именно: признав себя виновным, обвиняемый как бы признает себя побежденным. За обвиняемым предполагается честное и максимально полное изложение обстоятельств дела, освещение всех, до того не ясных и темных моментов, далее: добросовестное сожаление обвиняемого о совершенном, глубокое понимание незаконности своих действий и самое искреннее раскаяние в содеянном.

— Уразумел и поэтому вину свою в краже чемодана признаю.

— Тогда у меня тоже вопрос. И тоже «для общего образования». Как вы думаете, почему такие преступники, как, скажем, вы, всегда стремятся, невзирая ни на какие обстоятельства, отрицать свою виновность? Ведь они знают, что это им ничего не дает, а все же делают. Почему?

— Традиция...

— Не традиция, а уловка. Иной хитроумец надеется, что следователь что-нибудь упустит, и тогда в деле возникнет щель, в которую через непризнание вины и будет предпринята попытка вылезти сухим из воды. Что, неверно?

— Может, и так, — покорно согласился Сонькин.

Александр Михайлович помолчал и тихо добавил:

— Смотрю я на вас, Павел Семенович, и все кажется мне, что хороший вы человек. И как загляну вот в эту справку, о ваших прошлых судимостях, верить не хочется написанному. Как же так?

Лицо Сонькина стало серьезным. Он долго молчал, потом горестно произнес:

— Несчастный я человек, вот в чем моя беда. Просто несчастный, обделенный счастьем от природы.

— Ну это уж мистика какая-то, — возразил Александр Михайлович. — Говорят, каждый человек — кузнец своего счастья. Отбросьте убеждение о своей несчастье. Это просто-напросто суеверие.

— Может, и суеверие, — грустно покачал головой Сонькин. — Только жизнь-то не получилась. Она, считайте, уж прошла. А что я видел? — и слезы медленно выкатились из его глаз.

— Ну-ну! Успокойтесь, — голосом, полным искреннего сочувствия, сказал Александр Михайлович.

Вечер уgomонил дневную суету в отделе. Тишина воцарилась в

коридорах. Тихо было и там, где теперь сидели друг против друга следователь Гвоздев и вор Сонькин.

Сонькин старался успокоиться. Гвоздев не торопил его. Он вынул из стола пачку сигарет, положил ее перед Сонькиным.

— Курите, Павел Семенович, — предложил он, — и давайте продолжим разговор по делу.

Заканчивая допрос Сонькина, Александр Михайлович взглянул на циферблат, шел уже десятый час. Только сейчас он почувствовал, что устал. Появилась боль в затылке, мысли стали терять остроту и четкость.

Сонькин с явным сочувствием смотрел на следователя. Он подписал протокол допроса, даже бегло не просмотрев плотно исписанные мелким убористым почерком страницы.

— Нужно прочитать протокол, Павел Семенович, — сказал Гвоздев.

— Я вам полностью доверяю, — ответил Сонькин. — Устали вы очень.

— Да, — согласился Александр Михайлович.

— Я вам про всю свою горемычную жизнь рассказал бы, — проговорил Сонькин, — ничего бы не утаил, да устали вы, не до меня вам.

Тихо прикрыв за собой дверь, в кабинет вошел инспектор уголовного розыска Лукин.

— Долго еще будешь этим дебоширом заниматься? — кивнув в сторону Сонькина, спросил он.

— Заканчиваю, — коротко ответил Гвоздев. — А почему он дебошир?

— Такой грохот днем устроил.

— Правда это, Павел Семенович?

Сонькин смущенно опустил голову, тихо сказал:

— Тоска заела, один в камере сижу. — Он помолчал несколько секунд и добавил: — А потом, я хотел всю эту... но... — махнул рукой, так и не закончив свою мысль и как бы категорически отказываясь от чего-то.

— Что «всю эту»? — насторожился Лукин.

Сонькин, потупясь, молчал.

— Подожди, Коля, — остановил Александр Михайлович Лукина, — подожди, не надо. — И Сонькину: — Сейчас, Павел Семенович, мы прервем наш разговор, а завтра продолжим. И насчет камеры завтра подумаем. Знаешь, Коля, — сказал он Лукину, — Павел Семенович человек общительный и в одиночестве ему действительно тяжело-то...

— Да он же не сознается, — возразил было Лукин.

— Полностью сознается и раскаивается.

— Ну, это другой разговор.

ОКАЗАВШИСЬ снова в камере, Сонькин накурился чуть ли не до тошноты. Посидел некоторое время, преодолевая легкое головокружение, потом встал и негромко постучал в дверь.

— Не ругайся, дорогой, — робко сказал он милиционеру, — не надо. Помогите мне лучше. Принеси несколько листов какой-нибудь бумаги и хоть огрызок карандаша. Хочу я все следователю выложить.

Еще прошлой ночью он, проснувшись от неудачного лежания на нарах, почувствовал, что в нем словно что-то надломилось. И будто озарение нашло на него. Он вдруг со стороны увидел всю свою жизнь. Все было глупо, дико, безобразно. А за плечами уже более сорока. Жизнь-то, считай, прожита. И где прожита? В основном в колониях, а в короткие промежутки между ними — в пьяном угаре, беспринутно.

Одна за другой мелькали картины безрадостного бытия. Но ведь могло все сложиться иначе.

И он вспомнил, что хорошо учился в школе, был понятливым, способным учеником. В тяжкую пору войны, — кое-как одетый, в старых-престарых валенках и почти всегда голодный, он ходил в школу за три километра от дома и был одним из самых успевающих. Отец и старший брат погибли на войне. У матери кроме него еще двое младших. Павлик успешно закончил семилетку, поступил в МТС учеником слесаря. Все бы пошло ладно, да грех попутал. С того греха началась кривая дорога.

Мелькали страницы горькой жизни, больно было от обиды, от жуткого сознания безвозвратности прошлого.

«И какая же дубина! — бранил Сонькин самого себя. — Взять хоть этот, последний случай. Ну зачем я пошел с Кандыбой? И на работу уж почти устроился, и место в общежитии дали бы. Мало-помалу обжился бы. Глядишь, и женщина подвернулась бы подходящая, семьей бы обзавелся. Но нет! Встретился Кандыба. С деньгой. Бутылку выпили, другую, и пошло. А он, Кандыба, может, и не обиделся бы. Не хочешь — не надо. Нашел бы другого напарника. Эх, мямля! Вот и полируй теперь нары. А чемоданишко-то он взял, Кандыба».

Все тогда происходило как в тумане. Сильно был пьян. Кандыба меньше. Сказал: «Стой здесь! Подойду с чемоданом, поставлю рядом и отойду. А ты через минуту-две бери этот чемодан и спокойно выходи на улицу. Я тебя там встречу». Так и получилось. Только спьяну не заметил, что за ними уже наблюдали. Взял чемодан, пошел — и стоп! Теперь дурак Сонькин сиди, а Кандыба гуляет...

После встречи со следователем тоскливо защемило под ложечкой. Гвоздев произвел на него сильное и довольно странное впечатление, вызвав внезапную и трудно объяснимую симпатию.

В том, что этот следователь добр, не возникало ни малейшего сомнения. В нем так и светилось что-то душевное: ни тени недоверчивости, недоброжелательности. И вдруг захотелось рассказать о себе, все-все, ничего не скрывая, ничего не утаивая; захотелось высказаться начистоту, облегчить душу. «Но вряд ли представится возможность поговорить, — подумал Сонькин, — да и не сумею я всего рассказать, начну сбиваться, путать. Лучше написать».

Тогда-то он и попросил карандаш и бумагу.

Писал Сонькин долго, почти всю ночь. К утру, закончив непривычную для себя работу, он бережно сложил исписанные листы, спрятал их во внутренний карман своего потертого пиджака и, улегшись поудобнее, тут же заснул.

Спал недолго. Проснувшись, сгорая от нетерпения, ждал вызова к следователю. Он знал, что следователь сегодня объявит ему постановление об аресте — иначе и быть не могло. Но волновало его совсем другое. Он даже вздрогнул, когда стукнула, открывшись, дверь камеры.

Ознакомившись с постановлением об избрании меры пресечения, Сонькин молча подписал его дрожащими руками.

— Вас что-то расстроило, Павел Семенович? — спросил Гвоздев.

— Я надеюсь, Александр Михайлович, вы поймете меня, — голос Сонькина от волнения стал хрипловатым и прервался. — Я очень много думал о своем положении с того момента, как снова попал сюда, в милицию. Я тут вот написал о себе. Разрешите отдать вам?

Он полез в карман.

— Это не для дела, — старательно подбирая слова, продолжил Сонькин. — Это я написал лично для вас. Мне показалось вчера, что вы можете понять меня и поверить. И мне захотелось рассказать вам о себе не на допросе, а как бы неофициально. И вот я написал. Вы прочтете?

— Почему бы и нет. Давайте письмо. Я прочту его позже, — проговорил Александр Михайлович, кладя исписанное Сонькиным в свой портфель, — и...

Сонькин поднял руку. На молчаливый вопрос Гвоздева тихо сказал:

— Можно мне с вами, Александр Михайлович, с глазу на глаз? Чтoб никто, ни-ни!.. Я решил порвать с этим делом. — Сонькин словно запнулся. — Но там, — оттопыренным большим пальцем правой руки он показал на окно, к которому сидел спиной, — ходит Толик, по прозвищу Кандыба, вор смелый и ловкий. Говорят, он совершил уже много краж. Он берет на вокзале, в поездах, запускает лапу и в товарные вагоны.

— Вы можете назвать его особые приметы?

— Да.

Сонькин подробно, насколько мог, обрисовал внешность Кандыбы.

— Особая примета, — добавил он, — крупная родинка над правой бровью. Рядом, у виска, небольшой шрам. Ходит Кандыба к одной, зовут ее Райка, по кличке — Вятка.

— Это я должен записать, — сказал Александр Михайлович, — это важно, и на память надеяться нельзя.

— Только не в дело! И вообще... Другому человеку я бы такого ни за что не рассказал, хоть режь, — взволнованно зашептал Сонькин, — а вам я верю.

— Вы не волнуйтесь, Павел Семенович, и не беспокойтесь, — так же до шепота снизил голос Гвоздев. — О вас, в этом смысле, ни одна душа не узнает.

— Я вам ничего не говорил, вы от меня ничего такого не слышали...

— Это само собой, — согласился Александр Михайлович. — Еще что?

— С Кандыбой иногда ходит Суслик. Белокрысы такой, лет под тридцать. Суслик юркий, он вынюхивает, где что взять можно. Иногда работает под студента. Есть еще дед Тюря с квартирой...

— Вы поступили правильно, Павел Семенович, — как можно мягче и дружелюбнее сказал Гвоздев, когда Сонькин закончил. — У меня к вам один вопрос. Только ответьте на него с полнейшей откровенностью...

Сонькин смотрел доверчиво.

— Этот чемодан вы вместе с Кандыбой взяли?

Мигом лицо Сонькина покрылось пятнами, на лбу выступила испарина, пальцы суетливо зашевелились.

— Нет, — качнув головой, неуверенно проговорил он. Но через мгновение уже твердо и отрывисто произнес: — Нет! Тут я один! Гвоздев все понял и больше вопросов задавать не стал.

ОКОЛО полудня на скамейке железнодорожной платформы юноша ждал девушку. Рядом с ним стоял магнитофон.

День был теплый и солнечный. Мимо проходили поезда, сновали отъезжающие и приезжающие пассажиры. Поглощенный своей заботой, молодой человек не замечал всей этой сутолоки. Не обратил он внимания и на то, что рядом с ним на скамью, с той стороны, где стоял магнитофон, сел длинноволосый парень в надвинутой на глаза шляпе с круто завернутыми полями.

Девушка появилась внезапно. Она не пришла, как того ожидал юноша, а приехала на пригородном электропоезде. Увидев ее, он обрадованно бросился ей навстречу. В этот миг парень в шляпе схватил магнитофон и кинулся в закрывающиеся двери электропоезда.

...Дежурный по отделу внутренних дел на транспорте подробно расспросил потерпевших, оформил документы, позвонил в отделение уголовного розыска. Пришедший Лукин увел девушку и юношу с собой.

Произошло это несколько дней тому назад. Капитан Гвоздев, получив материал, возбудил уголовное дело. Время шло, а парень в шляпе больше не появлялся.

Размышляя, как обнаружить преступника, Александр Михайлович решил обратиться за помощью к железнодорожным контролерам. Работая продолжительное время на одном участке дороги, они, бывает, знают и помнят многих пассажиров, если те даже добросовестные и ездят с проездным билетом в кармане, а уж если по меньшей мере два раза попадался безбилетник, то этого они запоминают надолго. Молодой человек в шляпе с загнутыми полями вполне мог им попадаться в качестве «зайца».

Обрисовав контролерам парня, Александр Михайлович услышал: — Знаем такого. Это Витька. Да он больной, психически больной.

И, в свою очередь, описали внешние черты Витьки, по прозвищу Сорока.

Сомнений быть не могло. Витька этот и унес магнитофон.

К вечеру вернулся в отдел Лукин. Гвоздев пошел к нему.

— Порадую тебя, друг Микола, — шутиливо сказал он, — нашел я этого шустрика с магнитофоном.

— Ну, ты даешь! — в тон ему ответил Лукин.

— Его хорошо знают контролеры. Он из Липкино. Зовут Виктор, прозвище «Сорока». Вот давай и подумаем, почему Сорока! Может быть, он — Сорокин? Съездил бы ты завтра туда. Там почти наверняка его знают. Возможно, и магнитофон сразу привезешь. И поинтересуйся личностью покапительней.

— Какой разговор! — даже с удовольствием согласился Лукин. — Будет сделано.

НА ДРУГОЙ день к вечеру Лукин привез в отдел и Виктора Сороку, и магнитофон.

— В Липкино действительно его хорошо знают, — сразу же начал рассказывать он. — Поехали к нему домой. Сорока — кстати, это его фамилия — живет вместе со старенькой теткой. Нигде не работает: больной он. Сначала отпирался: ничего не знаю. Потом, наверное,

ME483

устал и магнитофон отдал. «Нате, говорит, и поиграть не успел». Когда я ему сказал: «Собирайся, поедешь со мной» — он только и спросил: «Жрать там будут давать?» Тетка его говорит, что он с двенадцати лет состоит на учете у психиатра. У них в свое время разыгралась семейная драма: отец запил, мать покончила самоубийством. Так что ты с ним понежнее.

— Спасибо! — поблагодарил Гвоздев.

Виктор — высокий, худощавый, с длинными, до плеч, волосами цвета соломы, с бледным лицом, на котором тускнели голубые равнодушные глаза, — вошел и бесцеремонно, не спрашивая разрешения, плюхнулся на стул.

— Ух, устал! — произнес он, отдуваясь.

— Отдохни, — дружелюбно ответил Александр Михайлович. — Только вот на этот стул садись, пожалуйста, — показал он ему на стул около своего стола.

— А мне и тут удобно, — самоуверенно отказался Виктор.

— Садись поближе, потолкуем по душам, — попросил Гвоздев.

— Хватит ломаться! — не вытерпел Лукин.

Лукина Сорока послушался, возражать ему и не попытался.

— Давай будем знакомиться, — мягко предложил Гвоздев. — Тебя Виктором зовут?

— Ты же все знаешь, — рубанул тот, — чего спрашиваешь зря!

Какая-то струна в душе Александра Михайловича дрогнула и натянулась от такого грубого выпада, но он подавил неприятное чувство, помня, что перед ним больной человек.

— Не надо так, Виктор, — мягче прежнего сказал он. — Сам понимаешь: мне протокол писать надо. Дело это важное.

— Важное? — В глазах Виктора на мгновение вспыхнули огоньки, но тут же погасли. — Важное? А... Надоели вы все. И ты тоже, — равнодушно проговорил он и отвернулся.

Лукин привез паспорт Виктора и некоторые другие документы. В них были все необходимые сведения об этом парне, но надо было как-то вступить с ним в контакт, пробудить интерес. «Может быть, его сдерживает присутствие Лукина», — подумал Александр Михайлович.

Улучив момент, он выразительно посмотрел на инспектора и показал глазами на дверь. Лукин понял и распрощался, сославшись на неотложные дела.

Гвоздев еще раз просмотрел документы Сороки. Отклонения в психике подтверждались. Спросил без всякой-подготовки:

— А курить-то ты как, куришь?

— Врачи не велят, а я курю, — ответил Виктор, — потому что я дурак. Мне курить вредно, а я все равно курю.

— Хочешь сигарету?

— Давай.

Еще помолчали. Хотя время уже перевалило за восемь, Александр Михайлович не торопился.

— Это ты зря, что ты дурак, — посчитав, что пауза достаточно выдержана, мирно, по-дружески проговорил он, — что больной — это верно, но не дурак ты вовсе — кто это тебе внушил?

Сорока курил с жадностью, делая глубокие затяжки.

— А ты хороший мужик, — сказал он, докурив. Поплевал на окурочок, бросил на пол и приняв каблук. — Другие мне только и говорят: дурак, дурак. А ты понимаешь, что я больной. У меня мать, знаешь, какая красивая была? А отец, гад, пил. Тебе это не интересно. Тетка

старая, меня любит, теперь плачет без меня.

— Ну вот и надо побыстрее составить протокол, — сменил тактику Александр Михайлович.

— А-а..! — протянул Виктор. — Это другое дело. Так и скажи, что не можешь без меня. Я знаю: не составишь протокола, тебе начальство по первое число выпишет. А помочь я всегда... Даже с удовольствием. Почему не помочь, когда просят?

С трудом заполнили строки с анкетными данными. Эту, совершенно безобидную, первую формальную страницу протокола допроса Витька подписал, сдвинув брови и плотно сжав губы.

Затем, ставя время от времени незначительные наводящие вопросы, Гвоздев кратко записал в протокол все, что считал важным и нужным.

— Ну вот, — закончив работу, сказал он. — Подпиши здесь и здесь. Сорока подписал, подумал и спросил:

— И это все?

— Все! — ответил Александр Михайлович, полагая, что этим обрадует допрашиваемого.

— Нет! — возразил тот. — Я не согласен. Что это за протокол! Бумажка какая-то! Ты всю мою жизнь запиши. Ты пиши, а я диктовать буду, — с полнейшей серьезностью потребовал он.

— Музыку любишь? — спросил Александр Михайлович, переводя разговор на другую тему.

— Музыку? Нет, не очень. У меня от музыки голова болит.

— Так для чего же магнитофон взял?

— Магнитофон? А это Обалдуй велел. Говорит: принеси мне магнитофон, гульнем на май. Я сказал, что магнитофона у меня нет, а он говорит — найди! Найди и принеси! Тут как раз магнитофон мне и попался...

— Ведь вот какой ты добрый человек! — заметил, пряча иронию, Гвоздев. — Между тем выпивать тебе, наверное, совсем нельзя.

— Врачи говорят: ни-ни! Ни капли, ни грамма! Да это все врачи. На май мы бы погуляли. Во! — и Сорока провел большим пальцем под подбородком. — Досыта!

— Где ж на водку возьмешь? Не работаешь...

— Ха! Только по секрету: Обалдуй с Ежом магазинишку взяли. Водки залейся! — и добавил мечтательно: — Хорошо бы погулять! — Потом вдруг спросил встревоженно: — А домой меня отпустите?

Положение неожиданно осложнилось. Сначала Александр Михайлович и в самом деле думал отпустить Виктора домой, внушив ему, что надо вести себя хорошо. Но теперь стало ясно, что он связан с преступными элементами и, будучи отпущенным, завтра, а то и сегодня, пойдет к ним, выложит весь разговор здесь, и те постараются скрыть следы совершенной кражи.

— А эти ребята не обижают тебя? — спросил Александр Михайлович, делая вид, что старательно пишет протокол.

— Кто?

— Ну эти — Обалдуй с Ежом?

— Нет. Они меня любят. Водки всегда дают. Они хорошие.

— А как их зовут-то?

— В протокол это не надо. Это ни к чему, — сказал Виктор. — Зачем еще людей впутывать, правда?

— Конечно, — согласился Александр Михайлович, — я так, из любопытства.

— Обалдуй — Васька, а Еж — Виталька. А я — Витька. Мы — три «В». Правда здорово — три «В»? А у вас здесь столовой нет? Жрать что-то очень хочется.

— Столовой у нас нет. Но я сейчас что-нибудь придумаю. Тебе дадут поесть.

— А, может, все же домой поеду?

— Мы это сейчас решим.

— С начальством?

— Да. Пошли.

Гвоздев отвел Виктора в дежурную часть и велел ему посидеть там и немного подождать, «пока он побеседует с начальством». Дал дежурному денег и попросил его послать кого-нибудь в буфет на вокзал купить для Виктора еды.

Александр Михайлович пошел в отделение уголовного розыска, надеясь застать там Лукина, но инспектор уже ушел домой. А надо было принимать срочные меры и как можно скорее выявить этих самых Обалдуя и Ежа. Если бы сейчас Лукин находился в отделе, все было бы проще. Позвонил Лукину на квартиру, но он домой еще не пришел. Задачу теперь приходилось решать самому.

«Что же предпринять?» — думал Гвоздев, направляясь в дежурную часть, где его ждала неприятность. Огорченный дежурный возвратил ему неизрасходованный рубль и сообщил, что Виктор Сорока, попросив разрешения сходить в туалет, ушел и не возвратился.

КАК и предполагал Гвоздев, сбежавший Сорока тут же направился к своим друзьям. Однако следователь все же успел опередить его. Позвонив в Липкино и сообщив местным сотрудникам милиции обстановку, он с облегчением услышал в ответ, что парни с кличками Обалдуй и Еж здесь хорошо известны. За их квартирами установили наблюдение. В этот же вечер были задержаны Василий Рябов — Обалдуй и пришедший к нему Сорока.

Упирался Рябов недолго. Уже наутро он рассказал, что украденные продукты они с Ежом продали человеку, которого знали по прозвищу Дубило.

Выдавать этого Дубилу Рябов явно не хотел. Он довольно подробно объяснил, как они проникали в магазин, как вытаскивали продукты, показал, куда отнесли украденное. Но совершенно не мог обрисовать Дубилу, говоря, что видел его только ночью и не запомнил. Дубило отдал ему семьдесят пять рублей и сказал, чтоб ближе чем за три версты они подходить к тому месту, где сложили продукты, и не думали. Все же примерно через час Рябов пошел посмотреть, что произойдет дальше. Но тайник был пуст.

Розыском Дубилы занимались липкинские сотрудники милиции, это входило в их задачу, но Гвоздева что-то тревожило в этой истории, интуиция упорно подсказывала ему, что здесь есть какая-то связь с делами, находящимися в производстве у него самого.

Размышляя об этом, капитан вдруг вспомнил, что совсем недавно в разговоре с Сонькиным столкнулся с созвучной кличкой — Кандыба.

Вечером к Александру Михайловичу зашел Лукин.

— Я, кажется, выхожу на него, — сказал инспектор. — Человек, носящий кличку — Кандыба, живет в собственном домике на окраине города, трудится кочегаром в средней школе: сутки работает, двое

отдыхает. Ведет трезвый образ жизни. Вдовец, но имеет, так сказать, постоянную подругу. Она приходит в его дом и остается там иногда на ночь, а иной раз на день-другой. Стирает, куховарит и прочее... Кандыба домосед, почти никуда не ходит, гостей не принимает.

— Кто же это?

— Антон Прохорович Дыбин. Звучит: Дыбин — Кан-дыба.

— Но тот-то — Толик. Раз Толик, значит, еще молодой. Этому сколько?

— Родился в 1935 году, в Витебской области. В нашем городе живет с 1956 года. Отслужив в армии, с товарищем приехал сюда. У приятеля была сестра, Дыбин с ней познакомился, а потом и женился. Она была бездетной вдовой, на одиннадцать лет его старше. Три года назад угорела и умерла.

Лукин полистал страницы своих материалов.

— В последние дни на работу к Дыбину два раза приходил мужчина лет тридцати, высокий, костистый, чуть сутуловатый, руки длинные. Лицо сухощавое, нос орлиный. Ничего не приносил. Придет, посидит, покурит и уйдет.

— А почему, Николай Степанович, ты думаешь, что этот Дыбин и есть Кандыба?

— Родинка у него над бровью.

— Над какой бровью — над левой, над правой?

— Сам-то я еще не видел.

— А та женщина, которая приходит к Дыбину, не Вятка ли?

— Не думаю. Личность этой женщины пока устанавливается.

— А как же ты на Дыбина вышел?

— Просто. Подумал: Кандыба — либо фамилия такая — Кандыбин, либо кличка от фамилии с корнем «дыба». Городские паспортисты помогли. Обнаружилось — Дыбин. Я им заинтересовался, а у него бородавка над бровью...

— По моим сведениям, Кандыба должен быть моложе.

— Этот тоже не очень старый.

— Когда он теперь на работе будет?

— Послезавтра.

— Пусть директор школы во двор выйдет и вызовет его к себе, да так встанет, чтоб Дыбина хорошо видно было. А мы его Сонькину потихоньку покажем.

СОНЬКИН, посмотрев из автомобиля на Дыбина, сказал, что он этого человека совсем не знает, даже не видел его никогда. Машина тронулась. Следуя указаниям Сонькина, остановились напротив старого трехэтажного дома.

— Вот тут, — хриплым от волнения голосом, проговорил он, — вход со двора, от правого угла третий подъезд, сразу за котельной... Там живет тот самый дед Тюря. Имеет две небольшие комнаты на первом этаже, маленькую кухню. У него еще родственники есть.

— Спасибо. Поехали! — распорядился Александр Михайлович.

В тот же вечер Лукин побывал у Тюри — Ивана Евтеевича Кочанова, щуплого и малорослого пенсионера шестидесяти восьми лет.

Квартира не блистала чистотой, и воздух в ней был спертый. Деревянный стол, накрытый засаленной и потертой клеенкой, старый растрескавшийся и покосившийся комод, две железные койки с ват-

ными старыми тюфяками и такими же подушками, заправленные изношенными байковыми одеялами.

— Вы что же так и живете, Иван Евтеевич? — поинтересовался Лукин, представившийся работником жилищно-коммунального хозяйства. — Сыро у вас, неуютно. И не очень чисто.

— Да что взять с больного старика, — ответил Кочанов, — у меня и племянница есть, и прописана тут, а жить со мной не хочет, брезгует, знать. Они, молодые, вон какие пошли — им все духов-одеколонов подавай. Вот она и живет у какой-то подруги. У тебя, говорит, плохо пахнет. А я уж привык. И где я силу возьму — чистоту наводить.

«Логово», — подумал Лукин. — Не сюда ли попадает кое-что из краденого?»

— А мы сейчас решили посмотреть все эти старые квартиры, — говорил между тем Николай Степанович, неназойливо, но весьма внимательно осматривая жилище Кочанова. — Надо что-то предпринять. Где ремонт сделать, где переоборудовать, чтоб жильцам удобнее было. А вы, Иван Евтеевич, может, желаете переселиться?..

— Нет, нет! — горячо возразил старик, — я тут еще до войны жил, и на войну отсюда уходил, и с войны сюда пришел, здесь и старуха моя померла. Нет, нет! Ничего мне не надо, спасибо за заботу. Доживу здесь. Так как есть.

Позднее выяснилось, что рассказ старика имел кое-какие погрешности, хоть и звучал самым искреннейшим образом. Его старуха действительно здесь померла в сорок девятом году, когда еще совсем не была старухой. После ее смерти ушла из дома и девушка-племянница, которой теперь было уже за пятьдесят. И жила племянница не у подруги, а со своим законным мужем на этой же улице, оставаясь прописанной у дяди и оказывая ему за это кое-какие услуги. Жилплощадь мужа состояла из одной комнаты в четырнадцать квадратных метров в старом доме с коридорной системой, и поэтому никого не смущало такое положение, суть коего яснее ясного: помрет дядя, племянница займет квартиру. Хоть и не велика, а все же отдельная, двухкомнатная.

«Да, здесь надо будет поработать, — думал Лукин, уходя. — А старик-то лишь с виду неказист»...

Теперь предстояло установить личность Кандыбы, поскольку Дыбин отпадает. Судя по всему, от него тянутся нити в другие стороны.

Из сведений о Кандыбе, полученных Гвоздевым, следовало, что он является организатором краж на вокзале. Сам же или совсем не ворует, или берет, но тут же передает украденое подручному. Да и только ли на вокзале орудует этот Кандыба?

Задача не простая, но разрешимая.

Есть еще Суслик. Отличительный признак — походка. Ходит, как в своих комических фильмах Чарли Чаплин ходил. Носки в стороны, каблуки обуви всегда столтаны. Походка неуверенная, шатающаяся. Бледный, водянистый блондин.

Но теперь, после провала Сонькина, они не скоро придут на вокзал. В других местах «работать» будут.

ГВОЗДЕВ закончил дело Сороки, укравшего магнитофон.

Виктор, как уточнил следовательно, уже два раза находился на излечении в психиатрической больнице, состоял на учете в диспансере.

Доказательства его вины в открытом похищении магнитофона были собраны с исчерпывающей полнотой. В соответствии с требованиями закона, с материалами подробно ознакомился адвокат, после чего Александр Михайлович направил дело в народный суд для разрешения вопроса о применении к виновному принудительных мер медицинского характера.

Практически завершил он работу и по делу Сонькина, но последнюю точку пока ставить не спешил, допуская маленькую хитрость: доколе дело находилось у него в производстве, он в любое время мог беспрепятственно затребовать доставки арестованного в отделение для производства необходимых следственных действий.

Сонькин доверился Гвоздеву полностью. Александр Михайлович нисколько не сомневался, что добросовестная помощь Сонькина будет иметь большое значение для разоблачения уже явно начавшей обозначаться воровской группы.

Позвонил Лукин:

— Александр Михайлович! Я только что говорил с Липкино. Сообщают, что продукты, украденные Рябовым из магазина, были увезены на автомобиле марки «ГАЗ-61».

— И?..

— Думаю, что автомобиль этот был с периферии. Сливочное масло, колбасу, сыр, сахар легче и проще продать где-нибудь в селе.

— А липкинские коллеги как думают?

— Ищут, — уклонился Лукин от ответа. — И еще: Рябов наконец признался, что если покажут того мужчине, которому он продукты продавал, то он его без ошибки опознает. У него, говорит, лицо необычное и шея длинная.

— Дубило — Кандыба?

— Не исключено. Связь с Рябовым, возможно, возникла случайно. Кстати, прошлой ночью на товарной станции кто-то вскрыл контейнер и украл из него ряд вещей. К тебе этот материал не попадал?

— Нет...

После того как Лукин положил трубку, раздался звонок начальника отделения подполковника Шульгина:

— Зайдите ко мне, Александр Михайлович.

Едва Гвоздев вошел, Шульгин поднялся ему навстречу:

— У нас, понимаешь, небольшая загвоздка случилась. Ты как раз очень нужен. Садись, пожалуйста.

Александр Михайлович знал, что подполковник называл на «ты» немногих своих подчиненных и то лишь тогда, когда был очень чем-то взволнован или озабочен.

— К нам на днях новый следователь пришел, на место Хромова, фамилия его — Паверин. Дали мы ему материал: ночью в вагонном парке преступники похитили немалое количество тушенки. Охранники говорят, что их было трое, но поймать удалось только одного, Жиленкова. Как Паверин с ним ни бился, тот показаний не дал. На допросе Паверин сорвался, оскорбил Жиленкова. Тот тоже огрызнулся. При такой ситуации Паверин не может дальше расследовать это дело. Кроме того, мне кажется, что задержанный имеет отношение к кражам, связанным с Кандыбой.

— Понял, — сказал Александр Михайлович. — Если прикажете, я возьму это дело. А Паверин — он что, не опытен, молод еще?

— Нет! Шесть лет стажа имеет. Только вот по характеру немногосучковат: заносчив, неуживчив, самолюбив. Эти сведения — с послед-

него места его работы. Может быть, они не совсем справедливы. Думаю, надо помочь ему войти в наш коллектив.

— Понял.

— Ну вот и хорошо. Бери дело у Паверина и начинай им заниматься.

РАСПОРЯЖЕНИЕ о передаче дела Гвоздеву, видно, и огорчило, и обозлило Паверина. Достав из сейфа тоненькую папку, он шлепнул ее на стол Александру Михайловичу.

— Берите. Сколько нервов уже истрачено.

Такая форма общения с совсем еще незнакомым человеком удивила Гвоздева. Он, возможно, и рассердился бы, если бы не предупреждение, сделанное Шульгиным.

— Зачем же вы так? — спокойно сказал Гвоздев. — Я ведь не сам взял себе это дело. Начальник принял такое решение.

— Я не обижаюсь, — хмуро сказал Паверин, — если же и обижаюсь, то только на самого себя. Опять не получилось...

— Почему опять? — не дослушав, задал вопрос Александр Михайлович.

— Потому, что такие штуки со мною уже бывали. Не везет иногда — и все.

— Да вы не огорчайтесь. Всякое бывает в нашем деле. Если возникнут вопросы, спрашивайте, не стесняйтесь. Мы всегда советуемся друг с другом.

— Спасибо, — кивнул Паверин, — учту.

Александр Михайлович принялся изучать переданные ему материалы.

Читая протоколы допросов Жиренкова, проведенных Павериним, Гвоздев, даже еще не общаясь с задержанным, уже начал понимать линию его поведения, систему, так сказать, защиты. Судя по всему, Жиренков что-то выжидал. По-видимому, ему хотелось получить какую-то весть, развязывающую ему руки. Пока такая весть не поступала и он тянул время.

«Сначала непременно надо увидеть Лукина, — еще раз подумал Александр Михайлович. — По всей вероятности, он знает больше, чем отражено в первичных документах».

Документов в деле оказалось до обидного мало. Паверин, видимо, наткнувшись на грубое сопротивление Жиренкова, активность снизил. Ни для кого не секрет, что между следователем и подследственным всегда, или почти всегда, идет борьба. В этой борьбе следователь не в праве подпадать под воздействие эмоций. Он часто видит и знает, что подследственный упорно лжет, но это ни в коем случае не должно выводить его из равновесия. И уж вовсе недопустимо, чтобы допрашиваемый увидел в представителе власти противника. Тогда не может быть и речи ни о каком психологическом контакте, ни о каком взаимопонимании.

Надо полагать, у Паверина с Жиренковым такого контакта не получилось, оттого и заминка в расследовании. И вот теперь промахи, допущенные Павериним, надлежало как можно скорее исправить ему, Гвоздеву.

Домой Александр Михайлович пришел поздно. Он заранее знал, что жена будет ругаться и готовился к этому.

Зина встретила его злобно, раздражение так в ней и кипело. Руки дрожали, голос срывался.

— Так я и поверила, что все делами какими-то занимаешься! Какие могут быть дела на ночь глядя? А я — жди, жди, жди! Волнуйся, переживай. Не могу я больше так!

И Зина расплакалась.

Гвоздев и сам сознавал, что жена права. В какой уже раз принимал он твердое решение не задерживаться на работе до поздней ночи. Никто ведь не обязывал его это делать, никто не заставлял. Надо уметь управляться с делами в рабочее время.

Утром Зина заявила, что так жить она больше не желает.

— Дядя Сема... — начала было она.

Он не мог слышать про дядю Сему, брата ее матери. Дядя Сема работал в торговле и на сотрудника милиции смотрел с высокомерием. По мнению Александра Михайловича, дядя Сема относился к людям нечистым на руку. Жил он явно не по средствам: имел великолепно обставленную квартиру и дачу с садом. Бутылка коньяка на столе у дяди Семы — обычное явление. Мать Зины и другие родственники относились к дяде Семе с почтением. Еще бы! Только дядя Сема умел «достать» все и вся и вообще, что называется, «умел жить».

Александр Михайлович относился к разряду людей непрактичных. И Зина знала, что всякое упоминание о дяде Семе болезненно воспринимается ее мужем. Пытаясь испортить ему настроение, она вновь завела этот разговор.

— Не надо, — умоляюще перебил ее Александр Михайлович.

Он чувствовал себя виноватым перед нею и не знал, как наладить отношения.

В это утро Зина сказала, что она возьмет отпуск и уедет к сестре.

— А как же я? — растерянно спросил он.

— Как хочешь! — раздраженно ответила она.

Потом, швырнув кофту, которую собиралась надевать, добавила:

— Тебе твоя служба дороже, чем здоровье и спокойствие жены.

Ну и живи своей службой!

В сущности это была не первая размолвка. Но так агрессивно Зина себя никогда не вела. Александр Михайлович ушел на работу с тяжелым сердцем.

ЛУКИНУ «повезло». Вскоре после посещения им Ивана Евтеевича Кочанова, у того появился жилец — мужчина лет тридцати пяти, невысокого роста, сухощавый, юркий. Он пришел сюда однажды вечером и остался. Потом здесь появилась незнакомая сотрудникам милиции женщина. Тоже вечером. Переночевав, утром она ушла, но потом вернулась снова. Так повторялось четырежды. Каждый раз она приносила с собой и уносила небольшую, плотно закрытую, но, судя по весу, тяжелую хозяйственную сумку. «Жилец» же из квартиры никуда не выходил.

Женщина оказалась работницей из бригады путевых ремонтников. Немало усилий пришлось потратить, чтобы войти с ней в контакт. В конце концов Вера рассказала, что ей предложили познакомиться здесь с «хорошим человеком». Одинокая, она ничего против не имела и пошла по адресу, который ей дали. Так она познакомилась с Шакиром.

Тот приболел, и она носила ему в сумке кое-какую еду и водку. Выпивали вместе. Отчего же не выпить с приятным человеком?..

Долго Вера не говорила, кто порекомендовал ей этого «хорошего человека». Но наконец сообщила, что познакомиться с ним ей помогла Рая. Это была та самая Вятка, о которой в свое время упоминал Сонькин. Кличка к ней пришла от места рождения — город Киров, бывшая Вятка.

— Раиса Спиридоновна Щелканова, — рассказывал Лукин Гвоздеву, — снимает комнату в одном из старых частных домов. Дом большой, есть участок земли, где раньше был сад. Теперь этот сад запущен. Напротив дома ворота продовольственной базы. Перед воротами, на широкой площадке, всегда много автомобилей, ожидающих загрузки или выгрузки. Автомобили иногда стоят чуть ли не под окнами дома. Сад выходит на небольшой пустырь, где теперь стихийно образовалась свалка разного мусора. Через свалку — тропинка с Зеленой улицы к кварталу новых домов, которая выходит к остановкам: троллейбусной и автобусной. Ночью пустырь не освещается.

— Да. Удобное расположение! — заметил Александр Михайлович.

— У Кочанова — гостиница, — продолжал Лукин, — Щелканова — разведчица и организатор, так сказать, по бытовым вопросам. Пока не известный нам Кандыба — руководитель группы. У него должны быть помощники и склад, своего рода перевалочная база...

— И отрегулированная система сбыта, — дополнил Александр Михайлович. — Этого обстоятельства не следует упускать из виду. Как говорил Сонькин, Щелканова связана с Кандыбой. Значит, они непременно где-то и как-то должны встречаться. Скорее всего, именно у нее дома.

— Я такого же мнения.

— Теперь вот о чем. После того как попался Жиренков, ни одного похожего преступления не зафиксировано. Значит, если он из их компании, то они притаились. А, кстати, где теперь «жилец» Кочанова?

— Покинул квартиру примерно в ту ночь, когда попался Жиренков. И этот стрих тоже немаловажный...

АЛЕКСАНДР Михайлович долго рассматривал Жиренкова.

— Что вы? — смущенно поежился тот.

— Моя фамилия Гвоздев, мне поручено заниматься вашим делом, — ответил Александр Михайлович.

Жиренков опустил голову и молчал.

— Я примерно знаю ваши, Станислав Иванович, способности. Я их учту при расследовании дела. А сейчас скажите, когда вы последний раз встречались с человеком по кличке Кандыба?

— Не знаю я никакого Кандыбы, — сжав руки между колен, ответил Жиренков.

— Не знаете... А человека по кличке Тунгус знаете?

— Нет, — Жиренков побледнел, жилы на шее вздулись, стали отчетливо видны.

— Хорошо! — спокойно продолжал Гвоздев. — И Суслика не знаете, и Тюрю тоже?

Жиренков молчал.

— Вы человек смелый, решительный, умный, — капитан старался поймать взгляд Жиренкова, — я понимаю ваше состояние. Чтобы

полностью ввести вас в курс дела, я сообщу вам некоторые известные нам факты: на нескольких консервных банках, из тех, с которыми вы были задержаны, обнаружены отпечатки ваших пальцев. Эти же отпечатки — и на жестяных упаковочных лентах, скрепляющих ящики. Дальше. В комнате, где вы жили, найден охотничий нож, относящийся к типу кинжалов, и кастет. И на том, и на другом есть следы ваших пальцев... Всего за последние годы вы совершили четырнадцать краж. Вот их перечень. Похищено государственного имущества на сумму более шести тысяч рублей... Следующее: два года назад у железнодорожного пакгауза на станции Никульцево был убит сторож... Достаточно или еще продолжать?

— Достаточно, — хрипло выдохнул Жиренков.

— У меня к вам, Станислав Иванович, есть такое предложение: не запирайтесь, говорить правду. Вы меня поняли?

— Да! — кивнул Жиренков, почти беззвучно пошевелив побледневшими губами. — Но, клянусь, я ничего не знаю об убийстве сторожа!

Александр Михайлович отчетливо видел, что Жиренков духовно сломлен.

— Я не буду, Станислав Иванович, вас допрашивать сегодня, — сказал Гвоздев. — Мы встретимся завтра или послезавтра. Вы за это время все обдумайте и взвесьте. Рекомендую вам принять мое предложение. У вас один выход — полнейшая откровенность. Вы поняли, чего я хочу от вас?

— Понял. Я понял, — прошептал Жиренков. — Я подумаю.

...На другой день, примерно в тот же час, Гвоздев снова вызвал подследственного.

— Как себя чувствуете? Можете отвечать на мои вопросы? — спросил Александр Михайлович.

— Да, — почти равнодушно ответил Жиренков, — я несколько ослаб, а в общем — могу.

— Тогда начнем! — Гвоздев положил на стол бланк протокола допроса.

Жиренков изложил обстоятельства последнего хищения из вагона.

Да, он, Кандыба, Анатолий Канюков и Шакир, недавно освобожденный из мест лишения свободы и живший у старика Тюри, примерно в половине второго ночи пришли в вагонный парк к тому вагону, о котором знал Анатолий. Осторожно вскрыли его, разломали несколько ящиков и в принесенные с собой мешки сложили консервные банки. Анатолий сказал, что в банках свинья тушенка. В мешках носить было удобней. Он и Кандыба дважды отнесли банки в тайник. Шакир оставался в вагоне. Где находился тайник, Шакир не знает, и показывать его они ему не собирались. В третий раз Анатолий с Шакиром остались в вагоне, а он понес банки один, и тут как раз появились охранники, стали его преследовать и задержали. В тот момент, когда охранники побежали за ним, Канюков и Шакир находились в вагоне, успели они скрыться или нет — он не знает. Готов показать, где находится тайник.

Кроме названных лиц в группе есть еще человек по кличке Орешек. Орешек — руководитель. Кандыба часто говорил: «Орешек приказал... Орешек сердится... Орешек просил передать... Сам Орешек лично никогда не появлялся. Никто его не видел. Может быть, что его вообще не существует. Просто — выдуманное лицо, для прикрытия. Суслик ходил воровать из вагонов всего два раза, он — карманник. Украденное всегда отдает Канюкову. Куда тот отправлял наворованное, ему, Жиренкову, неизвестно. Обычно через неделю или две после очередной

MT-85

кражи Кандыба приносил деньги и отдавал каждому причитающуюся долю. Делил по справедливости, споров и обид не было. От кого получал Анатолий сведения о вагонах, их содержанием и месте расположения в парке, он не знает — излишнее любопытство у них не поощрялось. В убийстве сторожа на станции Никульцево он участия не принимал. Кто это сделал, не знает.

Более трех часов, почти без передышки, Александр Михайлович писал протокол.

Своих друзей Жиренков не выгораживал, но и сваливать на них вину, для того, чтобы оправдать себя, не пытался. Александр Михайлович понял все это и вздохнул с облегчением — это говорило о том, что Жиренков только изменил метод борьбы, но продолжает бороться и, значит, каких-либо эксцессов с его стороны опасаться нечего.

И это было важно. Всякий следователь, так или иначе, несет моральную ответственность за душевное состояние подсудимого, за то, как пойдет процесс духовного перевоспитания, начало каковому он сам и закладывает.

— Не падайте духом, Станислав Иванович, — сказал он, — я не думаю, чтобы вы очень любили ваших, теперь, считай, уже бывших «друзей»...

— Какая там любовь! — грустно усмехнулся Жиренков.

— Тогда я посоветую вам: увидевшись с кем-либо из них на очных ставках, в робость не впадайте. Потом вы встретитесь с ними еще только раз — в суде, а уж после расстанетесь надолго.

ПОЗДНО вечером Канюков с пустыря тенью проскользнул к дому, в котором жила Раиса Щелканова. Стукнул в окошко, которое распахнулось, и ловким, привычным движением влез в него.

— Собери что-нибудь закусить, — попросил он Раису, снимая пиджак и ставя на стол бутылку водки.

— Не надо бы, поздно уж.

— На душе нехорошо что-то. Еще с того момента, как Сонькин попался, — Анатолий, сбросив полуботинки, лег на постель поверх одеяла.

— Зря ты расстраиваешься! Сколько уж таких попадалось.

— Оно, конечно, будто бы и нечего беспокоиться. Не пойман — не вор! Старый закон. И все же, что-то покалывает. А тут еще Тунгус попал.

— Тунгус — кремь, — уверенно сказала Раиса, — и умница. Он, если не сумеет выкрутиться, один пойдет.

— Вчера встретился с Орехом, — проговорил Анатолий. Раисе он доверял, у него не было от нее тайн. — Злой, как сатана, глядит волком. Угораздило же меня попасть в лапы к этому тигру...

Вспомнился тот день, когда он в самом прямом смысле попал в лапы Ореха.

Отбыв наказание за очередную карманную кражу, Анатолий вернулся домой и некоторое время «болтался», не имея желания взяться за какую-либо работу. Как-то в трамвае он увидел, как мужчина весьма скромной наружности вынул из кошелька, набитого пятерками и трехрублевками, мелочь, купил билет и кошелек небрежно сунул обратно в карман своего плаща. Анатолий приблизился, выбрал момент и запустил руку в чужой карман. В этот же миг словно железными клещами схватили его за запястье. Сердце Анатолия сжалось.

Однако, к его удивлению, мужчина стоял как ни в чем не бывало, ни один мускул не дрогнул на его сухом, жестком лице. Ничего не оставалось делать, как терпеливо ждать. На остановке незнакомец двинулся к выходу. Анатолий послушно шел рядом с ним.

За углом, на небольшой треугольной площадке, стояло несколько скамеек.

— Давно этим видом спорта занимаешься? — спросил мужчина, когда сели.

— Честное слово, в первый раз! — взмолился Анатолий, уловив в голосе незнакомца добродушные нотки.

— Давно гуляешь?

— Второй месяц, — поник Анатолий.

— Жрать, что ли, нечего стало?

— Вот, вот! Третий день не евши...

Анатолий врал, и незнакомец видел это. Руку Анатолия он не отпускал, лишь чуть-чуть ослабил хватку.

— Где живешь и с кем?

Пришлось сказать.

— Заработать хочешь?

— Как?

— На одном складе нужно взять краску. Ну, банок триста...

— Как же их возьмешь?

— И взять можно, и деть есть куда. Так как?

Анатолий молчал.

— Я предлагаю «заработок» верный и... солидный.

— Сколько? — даже не подумав, как-то автоматически спросил Канюков.

— Полтинник за банку. Сто банок — полсотни у тебя в кармане, двести банок — сотня, и так далее... ну?

— Согласен, — буркнул Анатолий.

— Документы у тебя при себе какие-нибудь есть?

— Справка об освобождении.

— Давай!

Справка перешла в руки незнакомца. Он прочитал ее, положил в карман и отпустил руку Анатолия.

— Договор такой, — незнакомец жестко посмотрел в глаза Анатолия, — я тебя знаю, а ты меня нет. И никогда ничего не пытайся узнать обо мне. Не то плохо будет. Понял?

— Понял, — потирая затекшую руку, послушно выдохнул Анатолий.

— Будешь понятливым и расторопным, жить станешь недурно, о нашей встрече не пожалеешь. — Мужчина легонько потрепал его по плечу. — Поближе познакомимся, подружимся. А теперь пока!

С того дня и стал Анатолий подручным. Потом он все же узнал, что мужчину зовут Антон Прохорович Дыбин. Тот и кличку ему изобрел — Кандыба. «Кан» — Канюков, «дыба» — от Дыбин.

АНТОН Прохорович Дыбин внешне жил нелюдимо, тихо. Никому и в голову не приходило, что у этого человека есть тайна. И эта тайна была такова, что он сам старался думать о ней как можно реже, да и то с опаской.

Он родился в одном из западных районов Витебской области в семье колхозника, его родители в свое время подверглись раскулачиванию.

В самом начале войны отец Антона дезертировал из армии и где-то некоторое время скрывался. Объявился он лишь во второй половине июля 1941 года с приходом немцев. Родион, так звали отца, стал активным полицаем, а затем был зачислен в карательный отряд. Антон, носивший тогда другое имя, и его маленькая сестренка Маня, родившаяся за год до начала войны, жили тогда хорошо — всего у них было вдоволь.

Злой и заносчивый, мальчик искренне гордился своим отцом, а отец, что называется, потихоньку приучал его к «своему делу», не раз брал с собой в карательные экспедиции, разумеется, если настоящего боя не предполагалось.

Однажды отец сказал: «Смотри, сынок, вот это враги — большевики, бывший председатель колхоза Прохор Дыбин. Это он загнал в Сибирь твоего дедушку. А это его семья...»

Неподалеку, под дулами автоматов, стояли дети Прохора Дыбина: мальчик Антон и девочка чуть постарше Мани. Детей вдруг отпустили. Приказали им бежать в сторону леса. «Бегите, Антоша!» — сказал Прохор. Он надеялся, что, может быть, ребят и вправду пощадят.

Антон взял сестренку за руку, и они побежали к лесу. Каратели улюлюкали и стали прицельно стрелять им вслед. Дети были убиты на глазах у родителей. Тут же расстреляли Прохора и его жену. Мальчик видел и другие сцены, похожие на эту, но эта почему-то ему запомнилась особенно.

Весной 1944 года Родион, почувствовав, что фашистам не удержаться на советской земле, тайно отправил семью в маленькую деревушку, расположенную довольно далеко от прежнего места их жительства. Жена Родиона говорила, что мужа ее, партизана, убили немцы, что дом сгорел и ничего у нее не осталось, жить негде и питаться нечем. Добрые люди пожалели, сказали: «Вон пустая изба — живи».

Через несколько дней, глубокой ночью, под видом партизан приходил отец и несколько его приятелей. Принесли продуктов, одежды и много советских денег. Ночью ушли. Деньги сразу были запрятаны в тайник. Больше своего отца мальчик никогда не видел.

Вскоре после окончания войны мать заболела и умерла. Похоронив мать, некоторое время он жил как в тумане. Приходили какие-то люди, что-то говорили, что-то приносили, о чем-то спрашивали. Он молчал, инстинктивно понимая, что может сказать что-нибудь лишнее. Понемногу он пришел в себя и однажды ночью взял из известного ему тайника оставшиеся там деньги, зашил их в драные ватные брюки. Потеплее одел Маню, и они потихоньку покинули дом.

День застал их далеко от тех мест. Один за другим попутные грузовики увозили их в глубь России. А мальчик все думал: какую бы историю про себя рассказать. И в какой-то миг вспомнил вдруг хриплый голос: «Бегите, Антоша!» Вот оно! Ни отца, ни матери в живых нет. И детей нет тоже. Никто никогда не догадается. И решил он, что с этого момента станут они с Маней Дыбины. Он пусть будет Антон, а Маня пусть так и останется Маней.

...Недели две обитали они в Горьком, ночуя где придется и как придется. Деньги на еду у мальчика имелись. Он с нежностью относился к сестричке и все твердил ей: «Твоя фамилия — Дыбина! Ну скажи три раза: Дыбина, Дыбина, Дыбина!» В конце концов Маня усвоила

фамилию. Он внушал ей также, что папа ее был партизан и его убили немцы, и маму тоже убили немцы.

Когда необходимое в представлениях Мани было сформировано, он сказал ей, что ему надо поехать далеко-далеко, а ей нельзя. И он поэтому отведет ее к хорошим людям. Он привел девочку в детский дом, дал ей записку, которую, как умел, написал сам. В записке значилось: «ЭТО МАНЯ ДЫБИНА. ПАПУ И МАМУ УБИЛИ НЕМЦЫ. БРАТ АНТОН ПРОХОРОВИЧ ДЫБИН».

— Вот девочка, — сказал он вышедшим к ним сотрудникам детдома, — у нее нет никого. Я ее брат. Я сейчас приду.

И больше не пришел. Так сестра его Маня стала Дыбиной, а он сам — Дыбиным Антоном Прохоровичем. Убедившись, что Маня пристроена, он двинулся дальше на восток. Бродяжничал до тех пор, пока оставались деньги. Деньги кончились в Иркутске — здесь он и остановился. Был уже конец октября. Стало холодно. Нарочно пошел на базар и стащил там с лотка вареную рыбку, был приведен в милицию. Из милиции его направили в детский дом. Потом он попал в ремесленное училище.

Повзрослев, он во многом разобрался и понял, что отец его совершил в жизни тяжкую ошибку и, стало быть, все их беды идут от его вины. Обида камнем лежала на сердце. За мать, оставшуюся в памяти светлым пятном. За сестричку Маню, выраставшую без родительской ласки, за себя, обездоленного, лишенного всего, даже собственного имени. И чтоб ослабить горечь обиды, он все время искал способ устроить свою жизнь так, чтоб не угасая тлело чувство злорадного удовлетворения мстью.

ВСЕ НЕОБХОДИМЫЕ следственные действия по уголовному делу Сонькина были выполнены. Александр Михайлович вызвал обвиняемого.

— Считаю следствие по вашему делу, Павел Семенович, законченным, — объявил он и спросил: — Защитник вам нужен?

— Зачем? — махнул рукой Сонькин. — Не надо мне защитника. Все, что может сказать в суде защитник, я скажу сам. Не первый раз!

— Тогда знакомьтесь с материалами, — предложил Александр Михайлович, — читайте, как говорится, от корки до корки.

— Значит, все? — спросил Павел упавшим голосом.

— Читайте. Потом потолкуем.

— Да что тут читать! Я все читал уж!

— Нет, читайте. Чтоб потом никакого сомнения у вас не возникло. Чтоб уверенность у вас была полная. Читайте, читайте, это необходимо. Вы должны знать, что написано в вашем деле.

Сонькин понял и принялся читать. Читал так старательно, что вспотел даже. Но вот прочитана последняя страница.

— Все ли в деле понятно?

— Все понятно. Спасибо. Все, как полагается.

Составлен и подписан протокол об окончании предварительного следствия.

— И не увидимся больше, — поник головою Павел.

— Увидимся, — ободрил его Гвоздев.

Взгляд Сонькина засветился надеждой.

— Действовали вы правильно, — продолжил Александр Михайлович, — однако важно в дальнейшем не сорваться. Вы меня поняли, Павел Семенович?

— Какой разговор!

— Надеюсь, что вы найдете в себе достаточно сил и энергии, чтобы после отбытия наказания стать на правильный путь и начать жить по-новому.

— Я не обману вас.

— Вы себя, Павел Семенович, не обманите. Отбудете наказание, найдите меня. Я постараюсь помочь вам.

— Я приду, непременно приду, — волнуясь, сказал Сонькин, — куда я без вас?

— Желаю вам, Павел Семенович, поскорее вернуться на свободу. — Гвоздев встал и подошел к поднимающемуся Сонькину. — Простимся. Будьте здоровы. — И подал ему руку, которую тот оторопело и судорожно пожал.

ИЗ СЛЕДСТВЕННОГО изолятора Гвоздев поехал в отдел, зашел к Шульгину, доложил о ходе расследования.

Подполковник молча выслушал, одобрительно кивнул, потом неожиданно сказал:

— Одно из наших следователей надо направить на курсы повышения квалификации. В Ленинград... — И, помолчав, добавил: — Александр Михайлович, не желаете ли побывать на берегах Невы?

— Нет, Данил Антонович, — отказался Гвоздев, — не могу. И без этого жена сбежала. Сами ж знаете... Взяла отпуск и уехала к сестре.

...Гвоздев сегодня устал. Придя домой, наскоро, по-холостяцки, поужинав, решил лечь спать.

Очень хотелось поскорее заснуть, и нужно было заснуть. Но сон не шел. Горькие, отравляющие душу мысли не отпускали, не давали покоя.

За стеной, у соседа, часы медленно, тягуче, как бы с неохотой, принялись отбивать удары — раз, два, три... и казалось, конца им не будет, этим ударам.

Двенадцать ночи. Надо бы уж давно спать. Утром вставать в половине седьмого.

Росло, закипало раздражение, переходящее в злость. Но на кого злиться? Лишь на себя, только на себя.

Вдруг с необыкновенной остротой он ощутил, как тоскливо и неуютно стало без жены в комнате. И ничего нельзя было поделать, и никто не мог прийти на помощь. Лишь она одна — Зина. Но ее не было.

«А что, если все эти ее наскоки на меня, — внезапно мелькнула где-то на заднем плане сознания темная подленькая мыслишка, — вызваны не тем, на что она ссылается, а другим...»

Стало вдруг сразу жарко, как-то жутковато.

«Вздор, вздор!» — внушал он себе.

Александр Михайлович встал с постели, ставшей почему-то такой жесткой и неуютной, подошел к окну, открыл форточку. Жадно вдохнул ночной прохладный воздух. Подошел к книжному шкафу, взял том Гельвеция «Об уме», раскрыл наугад, прочитал:

«Страсти заводят нас в заблуждение, так как они сосредоточивают все наше внимание на одной стороне рассматриваемого предмета и не дают возможности исследовать его всесторонне».

Он поморщился, поставил книгу обратно.

Лег в кровать. Вспомнилось вчерашнее довольно странное сновидение.

Будто все искал он Зину, попадая то в лес, то в поле. Она пряталась от него и смеялась, а смех этот звучал недобро, издевательски. И вдруг он видит Зину, только она на другом склоне оврага, глубокого, с крутыми, почти обрывистыми откосами, а с ней кто-то стоит рядом. Гвоздев не выдержал, рванулся вперед и стал стремительно падать...

«Пригрезится же такое, — думал Александр Михайлович, заставляя себя успокоиться, — нарочно не придумашь. Что бы все это могло значить?»

Вчерашней ночью, когда приснился этот неприятный сон, он решил, что это результат некоторого переутомления, из-за которого нарушилась деятельность сердца.

Сейчас же, невольно возвратившись к воспоминанию о сновидении, он, скорее подсознательно, стал искать подоплеку этого явления в сфере эмоциональной, как бы стремясь связать приснившееся с размовкой, возникшей между ним и его женой Зиной. Он снова взял книгу, но читать не хотелось. Погасив свет, подошел к окну. Там в темном небе мягко и как бы успокаивающе мерцали звезды.

Александр Михайлович минуту-другую смотрел на звезды и, будто получив от них необходимый ему заряд, решительно направился к постели.

— Спать! — приказал он себе. — Все вздор, все пройдет, все утрясется! Спать!..

ДЫБИН решительно настаивал на том, чтобы Кандыба именно сейчас активизировал «деятельность». Расчет был двойной. Если Толик и его друзья, еще оставшиеся на свободе, не попадутся, то Тунгусу легко будет и он попытается выкрутиться. Во всяком случае — Кандыбу не выдаст. А если он Кандыбу не выдаст, то кто до него, Дыбина, дойдет? Каким путем? В другом случае, если сам Кандыба попадется, то ему, Дыбину, хуже тоже не станет. Тогда можно будет закрыть «лавочку». Кандыба не выдаст, это ему сто раз не выгодно, как, впрочем, и Тунгусу. Если они назовут его, то сразу все они превратятся в членов преступной группы и наказание им определяют посерьезнее. К тому же еще надо доказать, что он, Дыбин, участвовал в преступлениях. И как же можно это доказать, если он в них не участвовал? Значит, и так и сяк он остается в стороне. Пока Канюков и Жиренков будут отбывать наказание, можно будет без каких-либо помех ликвидировать свое маленькое хозяйство и отбыть в неизвестном направлении. Как хорошо, что они ничего не знают о его связях с сестрой Марией и ее мужем. Да. Придуманно все недурно.

В душе Антон Прохорович глубоко презирал и «помощника» своего Кандыбу, и ловкого Тунгуса, не говоря о всех остальных. Иной раз они вызывали у него неподдельное чувство отвращения. Но отвращение отращением, а прибиль от них была существенной. И потому, если бы не эта цепь неудач и провалов, он и впредь пользовался бы их услугами. Но теперь положение изменилось. И как ни успокаивал себя Антон Прохорович, что лично ему опасность не грозит, тревога все же не покидала его. Не добрались бы только до Мани.

Сестра его, Мария, была единственным человеком, которого Антон Прохорович любил.

Определив девочку в детский дом, Антон все время узнавал, как она живет. Окончив восемь классов, Маня потом училась в ПТУ, выпускающем работников торговли. И теперь трудилась в небольшом сельском магазине, далеко от тех мест, где прошло ее детдомовское детство. Здесь она и замуж вышла.

Антон Прохорович иногда приезжал к сестре, и вскоре с ее мужем у него сложились дружеские отношения. Однако в гости к себе он их ни разу не пригласил, ссылаясь на тяготы быта.

Владимир, муж Марии, работал шофером в райпотребсоюзе. Зарабатывали они неплохо, но все же, имея семью в пять человек, до полнейшего благополучия было весьма далеко. Однажды Мария, чуть не сгорая от стыда, попросила у Антона Прохоровича взаймы. Через неделю он привез немного больше названной суммы.

С того дня Антон Прохорович заезжал только раз. Сестре привез подарки, детям гостинцы. О деньгах, данных взаймы, и не заикнулся. Но что удивило: пригласил Владимира в гости к себе.

— Ты в городе часто бываешь? — спросил он у него после обеда.

— Туда езжу за продуктами и прочими товарами. Два раза в неделю, — ответил Владимир.

— Ну вот и хорошо. Приходи в следующий четверг, в середине дня. Только на автомобиле к дому не подъезжай, оставь его где-нибудь, а сам пешочком. Я тебя ждать буду. Разговор есть. Но Мане об этом ни слова.

От Антона Прохоровича Владимир вернулся озабоченным. Маня заметила, что он места себе не находит. Встревожилась, стала допытывать расспросами. Наконец от открылся.

— Такое дело, — сказал Владимир хриплым от волнения голосом, отведя глаза и опустив голову, — левый товар один человек предлагает...

— Какой человек! — всполошилась Маня. — Ты с ума сошел! Это же... это же... в тюрьму угодить можно.

— Человек надежный, — помолчав, продолжал Владимир, — и риска почти никакого. Поступила, скажем, к тебе в магазин краска масляная, белила, например, триста банок. А ты продашь четыреста. Деньги не помешают...

Через три недели Мария сдалась.

НА СОВЕЩАНИЕ собрались у начальника отдела. Оно началось примерно через час после задержания Канюкова.

Дали слово Гвоздеву, первым вышедшему на Канюкова. Александр Михайлович, опустив некоторые детали, сообщил, что в районе, обслуживаемом их отделом, орудует преступная группа во главе с Канюковым, носящим кличку Кандыба. Но истинным руководителем является Дыбин. Сам Дыбин в преступлениях не участвовал. Он давал указания, выплачивал «гонорары» и организовывал сбыт ворованного. Как организовывался сбыт, на данном этапе расследования пока еще не известно. И для того, чтобы арестовать Дыбина, достаточных оснований сейчас не имеется. О преступной деятельности Дыбина может рассказать Канюков, но он, по-видимому, этого не сделает. Нами арестован также активный участник этой группы Жиренков, носящий кличку Тунгус. Кроме перечисленных, известны еще несколько участников группы, но есть и совершенно неизвестные ее члены. Необходимо разработать

систему мероприятий, в результате реализации которых Дыбин и прочие преступники были бы выведены на чистую воду.

Александр Михайлович закончил короткий доклад.

— Давайте, товарищи, ваши предложения, — проговорил начальник отдела, — может быть, у кого вопросы возникли?

— Если бы Канюков раскрылся, — произнес начальник отделения уголовного розыска Смагин, — это дало бы много. Но рассчитывать на это, пожалуй, не приходится.

— То-то и оно, что он не раскроется, — проговорил Гвоздев. — К этому его могут вынудить только чрезвычайные обстоятельства. И факты. А у нас их пока не очень много.

— Выяснили, как живет Дыбин? — спросил начальник отдела.

— Выяснили, — ответил Гвоздев. — Работает в средней школе кочегаром. Имеет свой дом, небольшой сад и огород. Уроженец Витебской области. Ведет трезвый образ жизни. Из города отлучается редко. Вдовец. Поддерживает связь с женщиной по имени Таисья. Недавно продал ей в рассрочку свой дом за три тысячи рублей, с правом проживания в этом доме вплоть до момента окончательной уплаты его стоимости.

— Сделка, может быть, фиктивная?

— Оформлена, как этого требует закон. Нотариально. По имеющимся сведениям, Таисья отношения к преступной группе не имеет.

— Разрешите, товарищ подполковник, — поднял руку Лукин.

— Пожалуйста.

— Мне думается, — начал Лукин, — что есть одна возможность заставить Канюкова дать показания против Дыбина.

— Какая же это возможность?

— Канюкова можно пока не арестовывать... Он ведь сейчас не знает, что мы конкретно против него имеем. Мы можем ему доказать только один момент — сегодняшнюю кражу. Стоит нам намекнуть, что больше за ним ничего не значит, он воспрянет духом.

— Мысль верная...

— Канюков ободрится и, полагая, вину свою в совершении сегодняшней кражи безоговорочно признает. Это будет для него смягчающим обстоятельством, и его можно будет отпустить... под залог.

— Да он удерет сразу же! — пожал плечами Смагин. — А где деньги возьмет?

— В этом-то и весь фокус. За деньгами Канюков должен обратиться к Дыбину. Дыбин денег ему не даст и... Канюков наш.

— Какие есть соображения по этому поводу?

— Нам известно, что Канюков ходит к женщине по кличке Вятка — Щелкановой Раисе Спиридоновне. Ее можно пригласить в любое время, устроить им свидание. На этом свидании Канюков попросит ее добыть деньги для внесения залога.

...Обсуждение затянулось. Расходились усталые...

ВЫСОКИЙ, костистый, чуть сутуловатый, Канюков сидел на стуле, опустив голову, изредка вздыхал. На вопросы отвечал неохотно.

— Работаю сцепщиком вагонов. Живу тихо, никого не трогаю.

— Но вы же украли вещи: чемодан и сумку.

— Ошибка какая-то. Не брал я никаких вещей.

— Вас же за руку схватили. Мне ваша позиция совершенно не-

понятна. — Александр Михайлович старался сохранить спокойствие. — Вас дважды судили?!

— По недоразумению.

— Ну а теперь давайте разберемся по справедливости. Расскажите честно, только честно, почему вы совершили кражу вещей.

— Не брал я никаких вещей. Парень какой-то бежал к товарняку с чемоданом и сумкой. Увидел, что его догоняют, бросил вещи и под вагон. Куда делся — не знаю. А я шел по своим делам. Слышу кричат: «Стой!» Я остановился. И вдруг, на тебе, пожалуйста.

— А вы не знаете человека по кличке Кандыба?

Канюков дернулся, но постарался скрыть нервное движение.

— Не знаю, — не сразу ответил, зло сверкнув глазами.

— Сейчас мы прервем нашу беседу на некоторое время... Вы успокойтесь, подумайте. Улик против вас много, очень много.

— Я подумую, — опять уныло проговорил Канюков.

Его увели.

Осложнение возникло совсем неожиданно. Предполагалось, что в совершении вокзальной кражи вещей Канюков не будет отпираться, признается и в том, что он есть Кандыба. А при отсутствии чистосердечного признания вины не могло быть и речи о том, чтобы выпустить его из-под стражи.

Через час Александр Михайлович снова вызвал Канюкова.

— Ну как, подумали? — спросил он.

— А чего тут думать-то? — ухмыльнувшись, ответил тот. — Признаюсь — плохо, не признаюсь — плохо. Лучше признаваться не буду.

— И напрасно!

— Почему напрасно?

— Если вы вину свою в той краже чистосердечно признали бы и заявили бы, что в содеянном раскаиваетесь, и дали бы слово впредь никаких преступных действий не совершать, я бы мог перед руководством поставить вопрос о том, чтобы отпустить вас, скажем, под залог.

— Как это — под залог?

— Вы вносите в кассу определенную сумму денег, и я вас отпускаю на свободу. В дальнейшем, если вы не нарушите требований закона — не сделаете попытки скрыться от суда и следствия, будете точно являться по вызову, — деньги эти вам будут возвращены.

— А могу я посмотреть, где это написано?

— Конечно. Вот — Уголовно-Процессуальный Кодекс. Читайте. Канюков долго читал и перечитывал указанные ему Гвоздевым статьи. Потом задумался.

Александр Михайлович не торопил.

— И сколько же надо денег? — наконец спросил Канюков.

— Не десять рублей, разумеется, — ответил Александр Михайлович. — Сейчас поговорю с начальством.

Сняв телефонную трубку, Гвоздев набрал номер.

— Товарищ подполковник, — сказал он, услышав голос Шульгина, — вы не будете возражать, если я отпущу, разумеется, после признания вины, и, конечно, под залог... А какую сумму следует назначить, как вы полагаете? Не меньше тысячи рублей?

— Слышали? — спросил Александр Михайлович.

— Таких денег мне не набрать, — опустил голову, упавшим голосом проговорил Анатолий. — Рублей пятьсот, может быть, и набирал бы: на работе, у знакомых... а тысячу нет.

— Я попробую договориться с руководством, — проговорил Александр Михайлович. — Что ж, пишем протокол?

— И как же все это будет выглядеть? — не отвечая на его вопрос, спросил Канюков.

— Просто. Вы назовете человека, которому вы доверяете. Мы его пригласим сюда. Устроим вам с ним свидание. Вы поручите ему принести деньги и сдать их в финчасть. Там ему выдадут квитанцию, которую я приобщу к делу.

— Заманчиво, — протяжно произнес Анатолий. — Да кому ж поручение-то такое дать?

— Как кому? Тут одна миловидная женщина приходила, Щелканова, кажется. Интересовалась: нельзя ли с вами повидаться?

— И что ей сказали?

— Сказали, что пока нельзя. Она сказала, что придет завтра.

— Вот дура-то!

— Почему? — Александр Михайлович посмотрел на него спокойно и внимательно. — Любит она, вероятно, вас. Узнала, что беда с вами, и прибежала.

— А мне с ней можно повидаться?

— Можно.

— Наедине?

— Нет. В моем присутствии.

— Такого не может получиться: деньги внесу, а домой не пойду?

— Нет. Такого случиться не может.

— Пишите протокол. Я вину свою в краже чемодана полностью признаю и раскаиваюсь.

КАНЮКОВ сидел в коридоре следственного отделения и ждал, когда освободится Гвоздев. Сердце ныло: Антон Прохорович денег не дал, всячески оскорбил и вышвырнул из дома как щенка. В голове мутным потоком текли мысли. Ну и орешек! А по началу как будто все шло хорошо. Брали краску, гвозди, ткани, продукты из вагонов, складов, из магазинов; крали вещи у пассажиров на вокзалах и в поездах. И все «добытое» куда-то исчезало, словно сквозь землю проваливалось, а некоторое время спустя Орех раздавал пакетики с «гоно-раром»... Сколь же хитрым он оказался. А ведь другом себя называл... И чего это следователь не зовет? Скорей бы уж!..

И в этот момент в дверях кабинета появился Гвоздев, пригласил войти.

...После допроса, длившегося более двух часов, Александр Михайлович сам отвел Анатолия в камеру. Уходя сказал:

— Через некоторое время вернемся к разговору. Я хочу, чтобы вы твердо усвоили: обстоятельства складываются не в вашу пользу. Канюков угрюмо кивнул.

Александр Михайлович, возвратившись в кабинет, перечитал протокол допроса. Обвиняемый раскрываться не желал. Его сопротивление ломало намеченный план. Предполагалось, что Канюков, будучи обиженным Дыбиным, начнет признаваться, но он на это не пошел. Обстановка вынуждала прибегнуть к предъявлению улик. Этого делать Гвоздев пока не хотел, но...

Он вызвал Канюкова для продолжения допроса.

— Где сейчас находится Шакур? — сразу же спросил Гвоздев.

Вопрос был настолько неожиданным, что Канюков не смог скрыть удивления.

— Шакур?..

— Шакур Калмов, вы его зовете Шакир, тот самый, с которым вы крали тушенку из вагона.

— Не знаю. Как спугнули нас тогда, так он и пропал.

— А где Кандыба?

У Канюкова опустилась голова. Стала заметна сухощавость сутуловатой спины. Медленно текли минуты.

— Кандыба — это я, — наконец глухо признался Анатолий.

— Канюков — Дыбин?

— Откуда знаете? — узкие глаза Канюкова неестественно расширились.

— Спокойно, Анатолий Федорович. Давайте будем разбираться по порядку.

— Откуда знаете Дыбина? — упрямо повторил Канюков.

— Служба такая. Мы знаем и то, что вы ходили к Антону Прохоровичу просить денег, чтоб внести залог, а он их вам не дал.

Лицо Анатолия побледнело.

— Кто продал? — хрипло спросил он.

— Анатолий Федорович! Никто вас не продавал. Жизнь, сама жизнь вывела вас на чистую воду. Вы совершили кражу. Вас задержали. Задержав, установили вашу личность. Определив личность, стали выявлять ваш образ жизни. И выявили: Канюков Анатолий, он же Толик, имеет кличку Кандыба, иногда встречается с кочегаром Дыбиным. Ну и догадались: Канюков — Дыбин. Поинтересовались, что за человек Дыбин, и узнали, что в эти дни вы к нему ходили. Два раза. Все стало ясно: вы ходили просить денег. И поскольку к нам сегодня пришли без таковых, значит, Дыбин денег вам не дал. На консервных банках, находившихся в мешке, с которым был задержан Жиренков, обнаружили отпечатки и ваших пальцев. Жиренков признался, что с ним был Шакур.

— И что же за мною у вас числится? — уныло поинтересовался Анатолий.

— Скрывать не буду — немало.

— Что же должен я теперь делать?

— Во всем чистосердечно признаться.

На следующий день Анатолий рассказал о нескольких кражах, совершенных им вместе с Жиренковым, но ни единым словом не обмолвился о Дыбине.

КОГДА связь Канюкова с Дыбиным выявилась с полнейшей определенностью, Лукин и Гвоздев остались вечером обдумать дальнейшие действия. По всему выходит, что сбывал ворованное Дыбин. О том, что он принимает личное участие в кражах, никаких сведений не поступило.

Подъехать на автомобиле к показанным Жиренковым тайникам практически было невозможно. Значит, «добычу» из них уносили вручную. Кто переносил? Видимо, сам Дыбин.

И так появилась рабочая версия: сбыт шел через Дыбина. Но как и куда? Для того чтобы арестовать Дыбина, достаточных оснований не имелось. Хуже того, его арест насторожит оставшихся еще неизвестными сообщников. И они, естественно, все силы приложат к тому, чтобы замести следы.

— Я здесь вот составил список, — сказал Гвоздев, — украденного с участка Жиренкова. Судя по всему, товар шел в одном направлении. Если бы удалось нащупать это направление, поиски значительно бы облегчились.

— А список-то не мал, — заметил Лукин.

— И не достаточно полон, — в тон ему добавил Гвоздев.

— Все это легче сбывать через торговую точку, расположенную где-нибудь в сельской местности, — вслух размышлял Лукин.

— И довольно густо населенной сельской местности. Где больше людей, там выше спрос на самые разные товары.

Сидели часа полтора. Рассуждали: кто может быть контрагентом у такого человека, как Дыбин? Все данные говорили за то, что он доверчивостью не отличается. Наоборот: крайне недоверчив. Кого же при таком характере он введет в курс столь ответственного дела? Друга? У него нет друзей. Брата? Возможно... Надо проверить его на предмет родственников.

Лукин принялся за дело. Как прикинули они с Гвоздевым, интересующий их человек не мог проживать далее чем в радиусе ста километров — иначе возникли бы трудности с доставкой «товара».

Первые запросы нужного результата не дали. Однофамильцев Дыбина среди руководителей торговых точек, расположенных поблизости, не было.

«А что, если по отчествам поискать?» — подумал Николай Степанович.

Таковых обнаружилось трое: двое мужчин и одна женщина — Мария Прохоровна Семенова. Мужчины были коренными местными жителями, стало быть, отпадали. Мария Прохоровна значилась уроженкой Горьковского области. Год рождения — 1940.

«А что, если повнимательнее изучить эту Марию, — решил Лукин, — чем черт не шутит... Дыбин с 1935 года рождения, Мария — с 1940. Может, сестра? А место рождения записано по ошибке, или, возможно, Дыбин ухитрился неправильно записать в документы место своего рождения... Надо проверять...

Николай Степанович отправился в поселок, где жила и работала Семенова. Он был обрадован, когда установил, что до замужества она значилась Дыбиной и являлась воспитанницей детского дома города Горького. Все встало на свои места.

Одновременно Лукин узнал, что ее муж, Владимир, работает шофером грузового автомобиля. В город ездит часто.

Путей дальнейшей работы представлялось несколько: назначить ревизию в магазине; опросить человек двадцать постоянных покупателей; уточнить, не было ли в дни после краж в продаже товаров, что числятся в похищенных; проверить путевые листы Владимира и определить, не ездил ли он в город в эти самые дни.

Выполнить эту работу быстро одному было явно не под силу. Николай Степанович позвонил Гвоздеву, обрисовал обстановку, попросил связаться с руководством местного райотдела насчет выделения помощи.

...Лукин с помощниками быстро продвигался в реализации плана. Все его предложения нашли полное подтверждение. Ревизия, опрос покупателей, изучение путевых листов Семенова давали достаточно оснований полагать — ворованное привозилось в магазин, которым заведовала Мария, и здесь вполне «официально» продавалось.

Продвинулись дела и с Канюковым. Анатолий наконец набрался решимости и раскрыл роль Дыбина в их совместной преступной деятельности. Рассказал он и о том, как привлек однажды к краже парня по кличке Обалдуй. Правда, сознался он в этом лишь после того, как Александр Михайлович устроил ему очную ставку с Рябовым. Тот опознал Дыбина.

— Все возвращается на круги своя, — заметил Шульгин. — Теперь, думаю, Дыбина нужно арестовывать...

ВОДИТЕЛЬ Семенов, муж Марии, смотрел на следователя невинным взглядом и монотонно повторял одно и то же:

— Я работал честно и знать ничего не знаю... Как я мог что-нибудь?..

Да я ни разу скорости на дороге не превысил, а не то что...

— Вы же не можете отрицать того, что знаете Дыбина...

— Какого Дыбина?

— Брата вашей жены — Антона Прохоровича...

— А-а! Брата Марии я совсем не знаю. Только слышал, что такой есть. Как-то раз, правда, он приезжал, а я спешил на работу и толком поговорить с ним даже не успел. Не знаю, совсем человека не знаю.

— Нам известно, что вы завозили в магазин, где работает Мария, товары, полученные не на государственных складах! А ваша жена их продавала...

— Ничего не знаю... Этого не может быть...

— Но жители поселка утверждают, что покупали в магазине, где трудится ваша жена, краденые вещи.

— Я ничего нигде не крал. Мало ли что по злобе напести могут...

Пришел вызванный Александром Михайловичем милиционер и увел Владимира.

Гвоздев еще долго сидел в кабинете, устало положив на стол руки. «Совсем редкий случай, — думал он. — Не может человек не понимать, что он виноват, если он действительно виноват».

УЖЕ ДВАЖДЫ допрашивали Антона Прохоровича.

Оба раза он вел себя с завидной выдержкой. На Гвоздева смотрел сочувственно, его взгляд говорил: «Зря мучаешься. Столько хлопот, усилий и все напрасно. Но понимаю, служба!» Свое участие в совершении преступлений категорически отрицал, говорил, что это либо недоразумение, либо наговор и во всем надо разобраться.

У Александра Михайловича выдержки тоже хватало. Допрашивая Дыбина, он разговаривал с ним предельно корректно, не нарушая правил формальной вежливости.

Так происходило и сегодня.

— Ну, что ж, Антон Прохорович, — сказал он. — Давайте разбираться. Прочитайте вот это.

Дыбин внимательно просмотрел предложенные ему документы. Но поскольку в грамоте он был не весьма силен, их чтение утомило его.

— Все бумажки, бумажки! — пробормотал он. — А я при чем?

— С сестрой вашей, Марией, повидаться не хотите? — вдруг спросил Гвоздев.

Дыбин растерялся.

— С сестрой? Вы разве знаете мою сестру?
— Вы что, Антон Прохорович, решили глупым прикинуться?
— Почему вы так?
— А потому, что я только что давал вам прочитать постановление об аресте Владимира Семенова и документы о ревизии в магазине, которым заведовала Мария Семенова, а вы спрашиваете, знаю ли я ее.
— Да, да! Владимир... Так ее муж арестован? А Мария?
— По правде сказать, ставить вопрос о ее аресте мне тяжело. Ведь у вашей сестры двое детей, престарелая свекровь... — Гвоздев помолчал. — Мария пока не арестована.
— Пока не арестована, — растерянно произнес Дыбин. — Неужели Марию арестовать можно? На законных основаниях?
— Можно. Для этого у нас имеется достаточно оснований. Законных.

Дыбин опустил голову, и густая проседь стала отчетливо видна в его темных волосах.

— Но она ни в чем, совсем ни в чем не виновата, — наконец хрипловато выговорил он, — она ни о чем не знает.

— Зато вы знаете все! — Александр Михайлович посмотрел на Дыбина жестко и холодно.

— И что, мне действительно можно повидаться с Марией?

— Можно. Все зависит от вас. Антон Прохорович, мне казалось, что вы умный человек. Теперь же приходится сомневаться в этом. Вы напрасно думаете, что ваше признание нужно нам. Нет. Прежде всего оно необходимо вам, Марии, вашему зятю, Владимиру. Сегодня я оставляю за вами право. Завтра вы будете жалеть, что не воспользовались этой возможностью. Судебная практика считает, что не раскаявшийся преступник — злостный преступник. А к злостному преступнику никакого снисхождения быть не может.

— Я не злостный преступник, — опустил глаза Дыбин. — Я все расскажу. И прошу только об одном: пожалейте Марию...

На другой день Александр Михайлович провел очную ставку: Семенов — Дыбин. Владимир был удивлен до крайности признанием Дыбина, поэтому махнул рукой и прекратил бесполезное заpiresательство.

Во второй половине этого же дня Александр Михайлович привез Марию в следственный изолятор и устроил ей свидание с братом. И не пожалел об этом: увидел, как осветилось радостью угрюмое, почти мрачное, лицо Дыбина, как жадно протянул он к ней задрожавшие от волнения руки.

ВЫБРАВ свободную субботу, Гвоздев поехал к Тамаре, сестре жены, к кому та уехала.

Александр Михайлович сидел в купе вагона. За окном мелькали незатейливые пейзажи средне-русской равнинной полосы. В памяти мелькали картины минувших лет.

Отслужив в Советской Армии, уволился в запас, Зина училась на четвертом курсе педагогического института. Через год он поступил на юридический факультет университета. Они поженились, когда Зина закончила учебу. Работать она пошла воспитателем в детский сад. Ей нравилось заниматься с маленькими детьми.

В семье Зины Александра Михайловича невзлюбили. С годами острота неприязни сгладилась. Только дядя Сема по-прежнему скепти-

чески относился к мужу племянницы, считая его человеком весьма ограниченным и сухим. Однако влияние дяди Семы на Зину в последние годы настолько ослабло, что практически стало равно нулю.

На четвертом году совместной жизни их постигло несчастье — заболел и умер ребенок, их первенец, чудесный мальчик, ясноглазый Минька, названный Михаилом в честь отца Александра Михайловича, погибшего на войне в 1943 году.

Окончив университет, Александр Михайлович несколько лет работал следователем в районной прокуратуре, а затем был направлен на следственную работу в органы внутренних дел.

...Стучали колеса, гудел на поворотах электровоз, текли мысли. Вот и прошло уже полжизни. Выдающегося ничего не совершено, но и сложа руки сидеть не приходилось.

Незаметно день сменился вечером. А когда багрово-красный диск солнца коснулся темной линии горизонта, Александр Михайлович сошел с поезда и через час уже нажимал кнопку звонка квартиры Тамары.

Дверь открыла Зина. Сперва она сделала было строгий вид, но не выдержала, шагнула вперед, протянула руки.

— Жива-здорова, беглянка, — говорил он, обнимая ее.

На другой день рано утром они отправились гулять.

Вернулись домой счастливые, помолодевшие. Целый день провели вместе.

Утро выдалось ослепительно светлое, теплое. Александр Михайлович с ощущением бодрости и легкости весело шагал на работу.

РАССЛЕДОВАНИЕ успешно подходило к концу.

Однажды Лукин привел вихлястого, белобрысого мужчину лет тридцати.

— Угадай, кто сия персона? — ухмыльнувшись, спросил он.

Александр Михайлович понял сразу: это Суслик.

— Идет, молодец, по улице, — подмигнул Николай Степанович, — и в ус не дует. А я смотрю: да, вот же он, голубчик! А я-то его ищу, стараюсь... Верно ведь, Веня, искал я тебя?

— Не знаю, — отвернулся тот.

— Его Вениамином зовут, — пояснил Лукин, — он сам мне только что поведал об этом. Он еще кое-что нам расскажет... Расскажешь, ведь, Веня? Где теперь живет-поживает друг твой Шакир, а?

Суслик молчал, шевелил длинными, тонкими, похожими на сосульки, пальцами. Два часа спустя он сказал, где живет Шакир, и тот вечером был задержан и доставлен в отдел. Задержали и Щелканову, у которой был своего рода перевалочный пункт краденого.

— Ну вот и вся теплая компания в сборе, — довольно сказал Николай Степанович.

— Поменьше бы было таких компаний, — буркнул Гвоздев.

— Для того и работаем...

Эдуард Дорофеев

СТОЛКНОВЕНИЕ

П О В Е С Т Ъ

МАЛЬЧИШКА прискакал в Кромск поздно вечером.

В милиции в этот час кроме дежурного находился только начальник, высокий, могучий мужчина с черной повязкой на левом глазу — памятью о боях с деникинцами. Пантелеев лишь несколько дней назад был назначен на эту должность, после того как в схватке с преступниками погиб бывший начальник милиции. До этого Василий Матвеевич командовал тут же уголовным розыском, службу милицейскую знал, однако в новую должность входил трудно, отчего и задерживался часто допоздна, дотошно вникая в незнакомые дотоле дела.

Пантелеев молча выслушал сбивчивый рассказ испуганного паренька, как бы между делом поинтересовался:

— Сапоги потерял, что ли?

И, не дожидаясь ответа, взялся за телефонную трубку.

Парнишка мельком глянул на свои босые ноги, хотел было что-то сказать, но не успел — заговорил Пантелеев:

— Дежурный, соедините меня с Кочергиным.

«Батьку-то в два счета хлопнуть могут... — думал он, разглядывая залатанные, слишком широкие для паренька штаны. — Ухватил, видать, что под руку подвернулось, и сюда. Молодчина хлопец, хоть и испугался, наверное...

— Кочергин? — услышав хриплый со сна голос начальника уголовного розыска, торопливо произнес Пантелеев. — Опять весточка о банде. Собирайте ребят. Надо сейчас же, в ночь по ней ударить. Она в десяти верстах... Хорошо. Давай...

Он положил трубку на рычаг и вытащил из кармана старой кожаной куртки кисет.

— Говоришь, человек десять в банде?

— Ага. Батя сказал, чтоб я пулей летел. Чуток, сказал, продержится, у него маузер есть...

— Немного, — задумчиво протянул Пантелеев и, покосившись на темное окно, прикинул, сколько понадобится Кочергину времени на сборы. — Ты садись, отдыхай, ноги-то замерзли?

— Не-е, — отозвался парнишка, осмелев, гордый, видать, тем, что хорошо справился с поручением отца, и что с ним, как с равным, разговаривает сам начальник уездной милиции. — Я сапоги дома оставил, чтоб до конюшни быстрее бежать. Да и не слышать, когда бо-сый-то...

— Верно, — усмехнулся Пантелеев, сворачивая аккуратно сигарку. — Не куришь?

— Не-е... Батька ругается.

«А ведь ухлопать могут батьку-то, — снова подумал Пантелеев. — Пока Кочергин ребят соберет, да пока доскачут...»

Неожиданно вспомнился сын Сашка — каким видел его Пантелеев в последний раз перед отъездом сюда, в Кромск. Худенький, наголо стриженный после тифа мальчишка, увертываясь от поцелуев, обиженно бубнил: «Лучше бы с собой взял, я не маленький». «А мамка с кем останется?» — спрашивал Пантелеев. «А ты нас с мамкой забери». «Погоди маленько, обживусь и заберу». «Скоро?» «Скоро», — пообещал он тогда...

Пантелеев вздохнул — «скоро» это затянулось уже на полгода и неизвестно, когда он перевезет семью в Кромск. Комнату он недавно получил, собрался было за сыном и женой, но появилась в уезде банда, и пришлось отложить эту поездку на неопределенный срок.

— Батька-то что — комбедом командует?

— Ага. С ним еще Гаврила Петушков и Архипов Егор Спиридоныч.

— У них-то оружие есть?

— Ага, винтовки.

«Бандитам тоже не резон задерживаться, — мысленно решил Пантелеев, — так что могут и отбиться комбедовцы...»

Распахнулась дверь. В кабинет решительно шагнул стройный молодой мужчина с копной выющихся волос на голове.

— Все в сборе, Василий Матвеевич, — громко сказал он.

— Ты, Кочергин, захвати-ка с собой этого парнишку. Он оттуда прискакал. Отец его там комитетом бедноты командует, обещал немного продержаться.

— Ясно. — Кочергин понимающе глянул на хлопца.

— Давай-ка, паренек, собирайся, — сказал Пантелеев, с улыбкой заметив его радостно блеснувшие глаза. — Вместе с отрядом поедешь по кратчайшей дороге. Есть такая?

— Есть.

— Вот и укажешь. Да, как фамилия твоя?..

— Васильев я, — уже от двери отозвался парнишка, — Дмитрий Алексеевич!

Пантелеев обмакнул перо в чернильницу, вывел на клочке бумаги фамилию, имя, отчество паренька и направился к дежурному занести сообщение в книгу происшествий.

«Генералов царских побили, — думал он, — иностранцев всяких, а вот с бандитской мразью никак не справимся. Эскадрончик бы нам подбросили, один бы эскадрончик красных кавалеристов. Ох, и тряхнули бы мы эту шуштуру...»

В книге он старательно написал:

«...из села Троицкого прибыл Васильев Д. А., тамошний житель. Он сообщил, что на село напала банда в количестве десяти человек. Есть предположение, что это та банда, которая пыталась ограбить отделение банка в Кромске. В Троицкое выехал отряд милиции во главе с начальником уголовного розыска Кочергиным».

2.

УЖЕ под утро возвратился отряд из Троицкого. Возвратился ни с чем. Бандиты, видимо, кем-то предупрежденные, сумели до прибытия милиционеров ускользнуть в ночь, и никто из сельчан не мог точно сказать, в каком направлении.

А к вечеру в Кромск приехал сотрудник губернского уголовного розыска Новиков, сухой, сутулый и в очках. Он привез сведения, что неуловимая банда, действовавшая до сей поры в северных уездах губернии, перекочевала к Кромску. Узнав о подробностях последнего налета на Троицкое, он сказал Пантелееву:

— «Почерк» единый. Везде эти бандюги грабят попов и зажиточных мужиков, убивают коммунистов, а потом устраивают митинги, на которых кричат о свободе духа. Вот так...

А на следующий день Василию Матвеевичу сообщили о новом бандитском налете — на сей раз на село Плоское. Бандиты, как обычно, устроили митинг и объявили крестьянам, что борются за свободную Россию, без царя, богачей и большевиков. И, уезжая, подарили двум беднейшим мужикам по лошади.

Лошади эти, как и следовало ожидать, были угнаны из Троицкого, где комбедовцы хоть и отбились, но грабеж предотвратить не смогли. Естественно, лошадей надо было вернуть законным владельцам. Но мужики, облагодетельствованные бандитами, вступили с милиционерами в спор, вели себя дерзко и подчиниться отказались. Милиционер Кудрявцев, которого Пантелеев назначил старшим, приказал доставить в уезд лошадей и мужиков.

Пантелеев, узнав об этом, возмущился.

— С тобой, товарищ Кудрявцев, я еще побеседую потом, — сказал он милиционеру, еле сдерживая ярость в голосе. — А сейчас пригласи-ка привезенных тобой товарищей ко мне.

Он намеренно выделил это слово — «товарищи», дав понять Кудрявцеву, что действий его не одобряет и арестованных им людей врагами не считает. Однако Петру все это, видимо, было непонятным.

— Я, как бывший боец Красной Армии, не могу допустить, товарищ начальник, чтоб святым и дорогим словом называли пособников наших врагов, — поблдев от решимости и негодования, произнес Кудрявцев. И Пантелеев понял, что беседу с ним на более позднее время переносить не следует.

— Эти люди, как я узнал, — тихо сказал Василий Матвеевич, намеренно пропустив слова Кудрявцева мимо ушей, — являются беднейшими в своем селе. И плохо, что красный милиционер Кудрявцев об этом не знал, а бандиты знали. И когда дарили лошадей, они не

объясняли, что лошади ворованные, но хорошо понимали, что рано или поздно коней вернут хозяевам. И окажется, что в глазах и мыслях этих людей, то есть беднейших крестьян, бандиты будут благодетелями, а представители власти — притеснителями. Возможно, беднейшие крестьяне не стали бы так думать, если бы красный милиционер Кудрявцев объяснил им хитрую и коварную затею бандитов. А так какой крестьянин, не получив умного разъяснения, промолчит, когда со двора поведут лошадей, видя такое пренебрежение к его жизни и положению? И самое главное, товарищ Кудрявцев, что в вашем лице эти люди видели представителя власти. Народной, их, между прочим, власти. Теперь вы поняли, в чем корень происшедшей неразберихи?

Петр опустил голову.

— Вы, товарищ Кудрявцев, повторяю, являетесь красным милиционером. И наше с вами дело не только ловить бандитов и прочих уголовников, но и стоять на защите прав каждого советского гражданина. А вы допустили большую ошибку, серьезный проступок — арестовали людей, ловко одураченных бандитами. Считаю, что из всего этого происшедшего вывод один — в милиции вам не место.

— Василий Матвеевич, — взмолился Петр, — я клянусь, я оправдаю... Они же действительно ругались!.. Вы ведь знаете, мне на другой работе жизни не будет, я только здесь полезный, потому что дело это люблю. И докажу, поверьте, Василий Матвеевич!

Ничто не изменилось в выражении сурового и неподвижного лица Пантелеева.

— Учитывая возраст и безраздельно проявленную вами преданность рабоче-крестьянской власти, — произнес он тем же ровным и твердым голосом, — я объявляю вам выговор и отстраняю на месяц от всякой оперативной работы. Будете ухаживать за лошадьми. А теперь пригласите ко мне товарищей.

3.

МУЖИКИ вошли в кабинет начальника робко, неслышно ступая, как показалось Василию Матвеевичу, на носках. Комкая в руках шапки, они низко поклонились и встали, потупившись, посередине комнаты.

— Вы садитесь, — пригласил Пантелеев, — вот стулья... Да не прикидывайтесь овечками. Ругались?

— Было, — отозвался один, плечистее и, видно, посмелее, — дак обидно, гражданин начальник. Конь — оно ведь дело для нас, мужиков, обязательное, нам без него, известно, как без рук...

— Истинно, — тихо поддержал товарища другой крестьянин, небольшой, с реденькой бородашкой, похожий на пономаря. — А тут дарят, а следом забирают. Где правда?

— Кто дарил? — спросил Пантелеев.

— Люди, — неопределенно ответил плечистый. — Прискакали, покричали у церкви, и вот тебе, Тимофей, твой конь. Владей, говорят!

— И мне следом, — подхватил бородатый. — А тут приходят, забирают. И правды, выходит, нету?

— Есть правда, — сказал Пантелеев и даже ладонью слегка хлопнул по столу. — Правда эта такая, товарищи: лошадей этих бандиты угнали, отобрали у таких же мужиков, как вы. Мы теперь лошадей должны вернуть хозяевам. Это разве не правда?

— Это так, — кивнул плечистый.

— Ворованого нам не надо, — согласился и бородатый.

— Кабы сразу разъяснили, мы бы разве кричали...

— И мы вам, товарищи, — продолжал Пантелеев, — от лица рабоче-крестьянской милиции приносим извинения, что излишне потревожили...

— Мы разве в обиде? — сказал плечистый, оглядываясь на товарища. — Мы, товарищ начальник, прощенья просим, что ругались по неразумению.

— Ну вот и ладно, — подытожил Пантелеев. — А что, из банды вы никого не знаете? Или слышали, может?..

— Говаривали люди, — неуверенно сказал плечистый, — будто какой-то Алешка Скоков из Борового у них за главного.

— А кто говорил?

— Дак ведь не помню... Говорил кто-то...

Мужики начали переглядываться и пожимать плечами.

— Не дело так, товарищи, — укоризненно сказал Пантелеев. — Правду ищите, а сами ее утаиваете.

— Дак Алешка-то не наш... Слыхали — и все.

— Из Борового он, из Борового, — поспешно сказал бородатый, — а боле не знаем.

— Как он хоть выглядит, этот Алешка? — спросил Пантелеев. — В этом-то помогите. И не бойтесь, вы у нас под защитой находитесь.

— Если бы знать...

— У попа серебряные блюда и крест забрали, — неожиданно засмеялся бородатый. — У попа — во как!

— Ну, счастливо вам, — поняв, что ничего больше от мужиков не добьется, попрощался Пантелеев. — Домой вас отвезут. Если в будущем что неясное появится — заходите, рад буду.

— Это уж как положено, — неопределенно отозвался плечистый, и мужики так же робко и бесшумно, как вошли, покинули кабинет.

«Значит, Лешка Скоков, — подумал Пантелеев. — И в Боровом, кстати, ни одного налета. Уж не там ли банда гнездится?»

4.

ПАНТЕЛЕЕВ и присланный ему в помощь Новиков вскоре смогли установить, что Алексей Скоков родом из Кромска. Отец его владел мельницами и мучными лабазами и был расстрелян в девятнадцатом году за саботаж и связь с контрреволюционерами. Где в то время находился Алексей — узнать не удалось.

Но мужики, упомянувшие Скокова, ненамного ошиблись, полагая, что он из Борового. В этом селе жил его дядя, брат отца, местный священник. Таким образом, предположение Пантелеева о том, что банда могла избрать Боровое местом своей базы, заслуживало скорейшей проверки. Вот почему туда под видом крестьянина был послан сотрудник милиции. Вернуться он должен был к вечеру.

Пантелеев прождал всю ночь. А когда за окнами посветлело и стали видны мокрые от росы крыши домов, Василий Матвеевич понял, что с разведчиком, видимо, приключилась беда.

Он стоял у окна, наблюдая, как милицейский конюх Демьяныч, худой, но еще полный сил старик с лицом праведника, старательно чистил жеребца, когда вошел дежурный. Вместе с ним был отец Сергей, местный священник.

Оказалось, что ночью совершен налет на церковь. Бандиты забрали все, что было ценного...

— Погодите, — перебил торопливо священника Пантелеев. — Рассказывайте толком и по порядку... В каком часу это было?

— Только, значит, часы пробили два, — вздрагивающим басом ответил отец Сергей.

— Почему сразу не сообщили?

— Связан и заброшен был на чердак, — поспешно разъяснил священник. — Матушкой развязан некоторое время назад и сразу поспешил к вам. Богохульство невиданное и неслыханное совершено!

— Кого-нибудь запомнили?

— Вытащен был из постели в сплошной тьме. Рясу позволили накинуть, но и только. Слышал, как один из злодеев сказал: пусть теперь чекисты, извините, побесятся.

Пантелеев мрачно взглянул на священника, так что отец Сергей даже перепугался.

— Передаю, как явственно слышал, и только для быстрого установления истины. — Потом смущенно извлек откуда-то конверт, помялся. — Покорно, значит, прошу извинить. Это вот вам... Злодеи оставили. Извольте принять...

Василий Матвеевич в нетерпении разорвал толстый конверт, на котором значилось: «В милицию», вытащил помятый листок. Небрежно, карандашом там было написано: «Вашу ищейку на тот свет отправили, и с другими так же будет. Готовый к услугам Скоков».

Пантелеев скомкал листок, с трудом сдерживая охватившую его ярость, и злым шепотом произнес:

— Идите, батюшка, найдем ваши ценности.

Отец Сергей, пятась и кланяясь, удалился.

«Издеваются, — думал Пантелеев, глядя на листок, — смеются над нашей неумелостью... Но откуда узнали про разведчика?»

Он бросил письмо на стол, полез в карман за кисетом, не решаясь поверить тому, что посланного в Боровое сотрудника кто-то выдал, что о его появлении бандитам заранее стало известно. Но никак не мог Пантелеев допустить этого даже в мыслях, потому что о задании, кроме него, знали только двое — Кочергин и Новиков.

ЗАХВАТИВ написанное бандитами послание, Пантелеев пошел к секретарю уездного комитета партии Полушину. Дежурному он приказал прислать туда и Новикова, как только тот появится.

Полушин был на месте. В его кабинете стоял большой, крытый зеленым сукном стол, у стен несколько стульев, на хрупкой этажерке, притулившейся в углу, лежали книги и газеты. На стене висел вырезанный из газеты портрет Ленина.

Пантелеев положил перед секретарем листок, не ожидая приглашения сел на скрипнувший под ним стул и сказал:

— Плохой из меня начальник милиции, товарищ Полушин. Надо смотреть правде в глаза. А правда — вот...

И он указал на письмо.

Прочитав и отложив листок, Полушин вытащил носовой платок и долго вытирал лоб. Пантелеев ждал, смотрел в пол, и желваки перекачивались у него на скулах.

— Я считаю, — наконец тихо произнес Полушин, — что большевик, испугавшийся трудностей, большевиком быть не может. Не может! Тебе, Василий Матвеевич, это ясно?

— Разве я трудностей боюсь? — вспыхнул Пантелеев. — Я своего неумения и недогадливости боюсь. Скажи мне: Пантелеев, иди в Боровое и найди этого Скокова. Я пойду и найду. А вот понять, почему пропал хороший, верный нашему делу человек, не могу. Знаю, что случайности тут нет, а вот что тут есть — не знаю. Потому и говорю — плохой из меня начальник.

— Университетов не кончал?

— Точно...

— В окопах империалистической кончил ты один университет, Пантелеев! — резко поднялся со стула Полушин. — Когда Деникина бил — во втором учился. Партия все это учла и доверие тебе оказала. А ты тут в малограмотности расписываешься. Ты мне план подавай, как ты эту банду кончать думаешь, а на свои упаднические рассуждения наплюй, разотри и забудь. Доверие оправдывать надо, а партии виднее — годишься ты или нет быть начальником милиции.

Пантелеев встал, бледный от обиды и стыда. Только сейчас он осознал, что и вправду пришел к секретарю со шкурнической мыслью в голове — повинюсь-ка я, мол, заранее, а повинную голову, как говорится, и меч не сечет, а почему разведчик погиб — пусть другой доискивается.

— Ты меня понял? — спросил Полушин, натягивая сползший с плеча пиджак и пристально, оценивающе разглядывая Пантелеева. У Полушина были очень невеселые, все в красных прожилках глаза.

— Понял, — с трудом ответил Пантелеев. — Банду эту кончу в ближайший срок. Иль живым не буду.

— Опять не то, — поморщился секретарь, — ну зачем ты нужен партии мертвый? Садись, будем вести деловой разговор.

Вошел Новиков. Он уже знал о гибели сотрудника и был очень

мрачен. Молча пожал руку секретарю и Пантелееву, сел и, уставившись на злое лицо начальника милиции, напряженным от сдерживаемой боли голосом произнес:

— Разведчик погиб по нашей вине. Утечка важных сведений несомненна. Мы виноваты в том, что не сумели обеспечить необходимую секретность задуманной операции.

Пантелеев вздрогнул. То, что сказал Новиков, не было для него неожиданностью, а лишь подтверждало появившуюся и у него догадку, которую, однако, он попытался забыть, как вздорную.

— Ты что, знаешь, кто виноват? — хрипло спросил он.

— Если б знал... — буркнул Новиков.

— В курсе задуманного, кроме нас с тобой, был лишь Кочергин, — сказал Пантелеев, — но это человек, о котором я со всей определенностью могу сказать, что он наш до последнего волоска.

— И все-таки Новиков прав, — нарушил молчание Полушин, — вполне возможно, что где-то возле вас окопался враг. Ты этим, Пантелеев, займись вплотную и немедленно. А теперь давайте вместе подумаем, как покончить с этой бандой. И во избежание, — он посмотрел на Пантелеева, — и во избежание этой самой утечки, о которой упомянул Новиков, о разговоре нашем никто знать не должен.

Через два часа Пантелеев и Новиков, обговорив с секретарем укома примерный план действий, поднялись, чтоб уходить. Секретарь пожал им руки.

— Ну, товарищи, ни пуха вам, ни пера. Действуйте.

6.

— ТЫ НЕ ГОРЯЧИСЬ, — говорил Новиков, поглядывая на мрачного Пантелеева, — ты трезво, без спешки и гнева подумай: если о нашей операции знали только трое, каким образом это могло стать известно бандитам?

Они шли по узкой и пыльной улице. В палисадниках у маленьких домиков копошились куры. По разбитой булыжной мостовой с грохотом проехал водовоз. Из мокрой бочки выплескивалась вода и застыла в пыли мутными шариками.

Пантелеев посмотрел вслед водовозу и буркнул:

— Опять парит — сил нет. И пить хочется. Сейчас бы кваску. — Помолчал и добавил: — Выходит, Степан Яковлевич, кто-то из нас троих?

— Выходит, Василий Матвеевич.

Пантелеев взглянул на него, но сдержался, промолчал.

Вдруг Новиков остановился.

— Слушай, а как ты разведчика-то отправлял?

Пантелеев озадаченно наморщил лоб.

— Как? Да на лошади, вроде пастух — корову ищет.

— Лошадь из милицейской конюшни?

— Откуда ж еще...

— Что ж думаешь — твоих лошадей не знают?

— Совсем дохлую выбрали...

В голосе Пантелеева прозвучала виноватая нотка. Он уже понял, что совершил ошибку, но еще не хотел признаваться в этом.

— Таких лошадей в уезде, знаешь, сколько...

— А в милиции одна.

— Так ты допускаешь?..

— Идем к тебе, — мягко сказал Новиков.

Они молча дошли до здания милиции. Дежурный, встретив Пантелеева, доложил, что наведывался священник и просил передать, что бандиты забрали у него еще два свиных окорока.

Василий Матвеевич яростно взглянул на ни в чем неповинного дежурного единственным своим глазом и стремительно прошел в кабинет.

Бросив фуражку на подоконник, он сел за стол и уставился на большую, из зеленого стекла, чернильницу с медной крышечкой.

Он уже ясно осознавал, что, засылая в Боровое сотрудника таким непродуманным способом, он тем самым обрекал его на провал, что и случилось. И это доставляло Пантелееву боль. Он не пытался искать оправдания в собственном профессиональном неумении, хотя прекрасно знал, что сейчас, когда на службу в милицию приходили люди, преданные революции, но не имевшие представления об организации борьбы с преступностью, подобных ошибок, видимо, совершалось немало. И все-таки он должен, обязан был все предвидеть и предусмотреть. «Новиков сразу увидел просчет, а я только виноватых искал».

Пантелеев с грохотом отодвинул стул, поднялся, подошел к окну. В кабинете стояла гнетущая тишина.

Новиков тем временем, взяв со стола исписанные листы твердой серой бумаги, читал их, усердно делая вид, что это ему очень интересно.

Василий Матвеевич обернулся и, не выдержав, крикнул:

— Что ты молчишь? Ругай хоть...

— Весной одного нашего товарища убили, — тихо сказал Новиков. — Умный был парень, гимназию окончил, по-французски говорил... Мы его в банду под видом кузнеца внедрили, а он молота в руках не держал...

— Как же...

— Вот так, Василий Матвеевич. Дорого достаются нам ошибки. Учимся их не делать, быстрее бы только научиться...

Пантелеев вернулся к столу.

— Да, с лошадью опростоволосились...

— Может, и неосторожно произнесенное слово... — раздумчиво сказал Новиков. — И одного слова достаточно, чтоб допустить провал.

— Да кто мог это слово сказать? Трое нас знало, трое, понимаешь?! Кочергин — парень свой...

— Допускаю. И все-таки... Ты к тем, кто у вас на конюшне служит, приглядишься.

— Двое там, — недовольно буркнул Пантелеев. — К кому приглядываться? Кудрявцев на глазах моих, можно сказать, взрослым стал. Да еще старик... Не к кому там приглядываться...

— Не торопись, Василий Матвеевич...

— Ладно, Степан Яковлевич, после операции разберемся.

— Не исключено, что об операции тоже станет известно бандитам.

— Ну, это ты чересчур!

— Возможно, и чересчур, — согласился Новиков. — Однако ухо остро держать надо...

ВСЕХ, кто должен был участвовать в операции, Пантелеев собрал у себя в кабинете.

Семь милиционеров, молодые и уже в годах, все недавние бойцы Красной Армии, стояли перед ним, одинаково внимательные и озабоченные, и он в душе порадовался тому, что ему повезло командовать этими замечательными людьми, добровольно избравшими трудную, далеко не безопасную работу.

«Да откуда среди них возьмется враг? — спросил он себя. — Каждого я видел в деле и в каждом уверен, как в себе».

И придя к такому мнению, Пантелеев почувствовал освобождение от терзавших его тяжелых дум, с каким-то облегчением заговорил:

— Товарищи! Мы по своей воле и желанию стали на защиту покоя и безопасности наших граждан. Задача у нас определенная и ясная — чтоб никакая нечисть не мешала людям пахать землю и работать на заводах и фабриках, строить новую жизнь. Всем вам известно, что в уезде действует банда. На ее счету грабежи и убийства сельских активистов, смерть нашего товарища. Перед нами, товарищи, поставлена задача — найти и без всякой пощады уничтожить эту банду. И мы это сделаем!

Был уже поздний вечер. За окнами сгустились сумерки.

— Выступаем сейчас, — помолчав, тихо добавил Пантелеев.

КОЧЕРГИНА вместе с несколькими милиционерами Пантелеев оставлял в городе.

— Будешь тут за меня...

Начальник розыска угрюмо молчал.

— Так надо, — сказал Пантелеев, — понял? Нельзя тылы ослаблять.

Кочергин кивнул, но смотрел в сторону.

Василий Матвеевич рассердился.

— Что ты, ей-богу, как барышня, губы надул. Оставляю потому, что верю — порядок без меня здесь будет, понял?

— Я ничего, — нехотя произнес Кочергин, — я так... Обидно все-таки...

— Обидно, обидно... Ты все там обеспечил? — Еще раньше он приказал Кочергину, чтоб никого вечером в милицейском дворе не было.

— Чисто.

Пантелеев подошел к окну. Ночь была темная, беззвездная. И вдруг возле конюшни мелькнул огонек.

— Кто там? — быстро обернулся к Кочергину Василий Матвеевич.

— Демьяныч, видно, крутится. Воронок твой что-то занедужил, старик и решил заночевать.

— Решил... — проворчал Пантелеев. — Что, ему ночевать негде?

— Так за Воронком хочет приглядеть, подлечить...

Новиков все это время молчал. Но тут подал голос:

— Не его это дело — жеребцов лечить. Тут ветеринар нужен...

— Вот-вот, — согласился Пантелеев, — конечно, не дело. Завтра ветеринара вызови. Ну, пошли? — обратился он к Новикову.

Группа выходила из здания по одному. На улице расходились в разные стороны. Лошадей не брали — рассчитали, что за три часа до Борового и пешком успеют. Собраться должны были в заброшенных разработках за кирпичным заводом. Действовали скрытно, надеялись, что застанут бандитов врасплох. Конечно, если они действительно из-брали своей базой Боровое.

...Двигались оврагами, а затем по просеке Хомутовского леса, отряд вышел к Боровому. Вел его один из местных жителей, молчаливый, однорукий мужик. Это он привез в Кромск известие, подтвердившее гибель разведчика. Но сказать точно, в селе ли бандиты, не мог. Не знал.

Церковь чернела на площади, как громадный холм с остроконечной верхушкой. Справа от нее стоял дом священника.

Бесшумно окружили дом. Он был немалый, в восемь окон, с многочисленными надворными постройками.

Единственный пулемет установили на паперти — отсюда хорошо просматривалась площадь, ворота поповского дома, подходы от реки.

К Пантелееву подвели испуганного церковного сторожа. Увидев одноголазое лицо с черной повязкой, старик в ужасе прошептал:

— Помилуй, господи...

— Ты, дед, коленками не стучи, — негромко посоветовал Василий Матвеевич, — никто тебе смертью не грозит, перед тобой не бандиты, а рабоче-крестьянская милиция. И она просит тебя помочь. Иди и вызови попа. Скажи, что в церковь кто-то залез или еще что, но чтоб поп вышел и не догадался ни о чем. Много в доме людей?

— Откуда мне знать, — пробормотал сторож, все еще со страхом поглядывая на Пантелеева, — меня в дом не пускают, я...

— Ладно, все понятно, иди.

Новиков молчал.

— Значит, так, — обратился к нему Пантелеев, — дверь отворяют, я вхожу, ты прикрываешь. Далее по обстановке.

— Не пойдет, — быстро возразил Степан Яковлевич, — по плану входим вместе...

— Обоим лезть на рожон — дурость, — пробурчал, не соглашаясь, Василий Матвеевич, — следом пойдешь...

Сторож взошел на крыльцо.

— Давай, дед, — грозным шепотом потребовал Пантелеев. Они с Новиковым прижались к забору и были не видны.

Старик постучал так робко, что этот стук походил на царапанье кошки.

— Ну! — прошипел Василий Матвеевич.

Сторож забарабанил по двери кулаком.

В окнах мелькнул свет. Кто-то шел со свечой — огонек метался в темных стеклах, будто сбиваемый ветром. Стукнула форточка.

— Кто там? — голос был тонкий и хриплый со сна, не поймешь, то ли мужской, то ли женский.

— В церкви ходит кто-то! — закричал сторож. — Чужой, видно!
— Сейчас выйду, — на этот раз голос был чистый, без хрипа и явно мужской.

Прошло несколько минут. За дверью послышались шаги, загремели запоры, и на крыльце появился высокий, бородатый мужчина в плаще и шляпе. В руке он держал фонарь со свечой.

Пантелеев быстро шагнул в коридор. Его сразу же поглотила тьма.

— Фонарь захвати! — услышал Новиков и, молча выхватив у бородатого фонарь, метнулся вслед за Пантелеевым.

В первой комнате они увидели сухонькую старушку, прижавшуюся к стене. В других — никого не было. Лишь в самой последней на широкой кровати сидела толстая взлохмаченная женщина и изумленно таращила глаза.

Проверили чердак — пусто. Вышли во двор, осмотрели конюшню, коровник, сеновал. У Пантелеева вспотела ладонь, сжимавшая рукоятку револьвера. Он сунул его в карман и чертыхнулся.

— В церковь надо заглянуть, — сказал Новиков.

Василий Матвеевич все еще обводил взглядом пустынный двор, посреди которого они стояли.

— Заглянем, — согласился он, — только чует мое сердце, что бесполезно. Твоя правда — кто-то предупредил банду. А тут она была, говорю тебе со всей определенностью. В конюшне одна лошадь, а яслей, видал, десять, и все овсом засыпаны. Зачем?

— Засаду надо оставить, — предложил Степан Яковлевич.

— Правильно, — оживился начальник. — Сейчас мы распределимся, кому куда, и ночку придется не поспать. А перед попом надо извиниться, — мол, ошибка вышла. Пускай так и думает...

На востоке занималась заря. Легкий ветерок прошелестел по соломенной крыше коровника.

— И собаки нет, — оглядываясь, сказал Пантелеев. — И собаку поп убрал, чтоб не мешала... Были они здесь, точно были...

9.

СКОКОВ, едва забрезжил рассвет, проснулся и осторожно вылез из шалаша. Огляделся.

Из кустов орешника, густо разросшегося вокруг поляны, высунулся Ковалев. На нем была папаха, низко надвинутая на глаза. Рассмотрев в прудуренней мгле Скокова, он сообщил:

— Все тихо!

— Кузьма не появлялся? — спросил Алексей.

— Нет.

Кузьме Сидоренкову, бывшему жандарму, хитрому и ловкому мужику, Скоков приказал оставаться в селе. Кузьма обязан был удостовериться, что после обыска милиционеры уехали. В случае опасности он мог укрыться в неприметной для посторонних глаз пещерке в глиняном карьере на берегу реки.

То, что Кузьма еще не пришел, Алексея не беспокоило. Было еще очень рано, на просветлевшем небе появились лишь первые бледно-розовые отблески утренней зари.

— Иди отдыхай. Я покараулю,— сказал он Ковалеву.

Скоков прошел орешник, уселся на ствол заваленного дерева, плотнее завернулся во френч, зябко поежился, завидуя спящей теперь в шалаше Маруське.

Прикрыл на мгновение глаза — и будто наяву увидел тонко очерченные брови и линии рта, изящный маленький нос, тонкий подбородок. Бывшая Мария Подольская, дочь жандармского полковника, волею обстоятельств превратилась теперь в Маруську, подругу и ближайшую подручную бывшего прапорщика Алексея Скокова.

10.

ДО УТРА просидели среди кустов сирени на маленьком кладбище за церковью Пантелеев и милиционер Лунин.

Зарождался день. Пастухи, волоча по мягкой дорожной пыли длинные кнуты, ушли вслед за стадом к прибрежному лугу. Из кузницы донесся первый звонкий перестук молотков. Бородатый священник, гремя ключами, прошел к церкви. На огороде, что лепился рядом с кладбищем, появилась сухонькая старушка, нагнулась над грядками.

Пантелеев достал кисет и, усевшись поудобнее, начал было сворачивать сигарку, как вдруг увидел на огороде рядом со старушкой какого-то мужчину.

В сущности, здесь, в Боровом, где он бывал всего раза два-три, многие жители были ему неизвестны. Но этот сразу привлек его внимание. На мужчине был городского покроя пиджак, косоворотка и тонкие офицерские галифе, заправленные в хромовые сапоги. Слишком необычный наряд для селянина.

Незнакомец, поговорив со старушкой, внимательно огляделся и, не вынимая рук из карманов, направился к церкви. Пантелеев рассмотрел теперь его лицо — широкоскулый, вислые усы, толстый нос.

Василий Матвеевич толкнул дремавшего рядом Лунина. Тот открыл глаза, хотел что-то спросить.

— Тихо, — прошептал Пантелеев. — Видишь мужчину?.. Лазутчик. Трогать не будем, иначе всех спугнем. Чую, гостей встречать надо...

Решение не обнаруживать себя пришло к Пантелееву в последнюю минуту. Если этот человек из банды, подумал он, значит, послан на разведку. Удостоверится, что все в порядке, милиционеры ушли, — даст знать остальным, чтоб возвращались. Так что был резон не топиться.

Они сидели и терпеливо ждали. Вдруг Лунин больно сжал локоть Пантелеева.

— Что? — вздрогнул Василий Матвеевич.

— Вон... На колокольню...

Пантелеев поднял взгляд на колокольню и увидел на ней того

самого незнакомца, который почти не таясь внимательно разглядывал их, видных сверху как на ладони.

Поняв, что его заметили, мужчина мгновенно исчез.

— Следи в оба! — крикнул Пантелеев Лунину и прыжками помчался к церковным дверям.

Забежав внутрь церкви, он увидел священника, который в полумраке сидел у маленького оконца и читал книгу.

— Кто здесь был? — сдерживая себя, спросил Пантелеев. — Где он?

— Здесь? — спокойно переспросил священник. — Здесь никого не было.

— Так, — медленно произнес Василий Матвеевич.

Священник опустил книгу и посмотрел на него. Как показалось Пантелееву, с любопытством. И это еще больше обозлило начальника милиции.

— Где лестница на колокольню?

Священник показал на узкую открытую дверь.

— Ушел... — произнес Пантелеев сквозь зубы. — Ну, что ж, гражданин батюшка, придется пройти со мной для выяснения некоторых фактов... И прошу ключи от церкви.

Священник закрыл книгу и встал.

Пантелеев, освоившись в полумраке, разглядел еще одну дверь в стене.

— Многовато у вас тут дверей, — мрачно сказал он.

11.

НА СТОЯНКУ Кузьма Сидоренков пришел лишь к полудню. Скоков удивился — почему пешком! Кузьма тяжело опустился на траву, начал стаскивать сапоги.

— Приморился, ног не чую...

Скоков стоял возле него, ждал. Остальные толпились поодаль.

Кузьма долго растирал босые ноги, потом сказал:

— До утра караулил... Двоих с колокольни видел. Они меня тоже... Я к реке и сюда. За лошадью нельзя было. Наверное, и на конюшне сидели. Часть, значит, ушла, так понимаю, для отвода глаз. Другие остались. Хорошо, что выждал.

Говорил он ровным, бесстрастным голосом, делая паузы после каждой фразы. Лицо его, маленькие черные глазки ничего не выражали.

— Коня-то надо было в карьер отвести, — недовольно сказал Скоков. — Отец Владимир как?

— А что отец? Отец на месте. Его дело сторона. Он — поп.

— Много милиционеров?

— Отец Владимир сказал — человек десять будет.

— Так. — Скоков задумался, затем решительно произнес, обернувшись к остальным: — Ковалев! Давай-ка собирайся к Кромск

за советом. Расскажешь все и к ночи сюда. Чтоб только без задержек, ясно?

— Яснее некуда, — лениво отозвался Ковалев. — Только если хозяин задержит...

— Не задержит. Он-то ситуацию' поймет лучше, чем ты. Давай поезжай быстрее.

12.

ОТЕЦ Владимир молчал. Лишь в самом начале допроса заявил: — Я вне политики. Мое дело — нести людям слово божье. Мирской суетой не интересуюсь, какие люди ко мне в обитель заходят — о том их не спрашиваю. По-христиански помогаю всем, кто в помощи нуждается. А ваши действия в отношении меня считаю насилием.

После явно неудавшегося допроса Новиков сказал Пантелееву:

— От попа толку не добьемся. Придется его освободить — улик против него практически нет.

— А этот, что сидел на колокольне, — не улика?

— Ты можешь доказать, что туда он забрался с ведома попа? Да и кто его видел, кроме вас с Луниным?

Пантелеев поиграл желваками, промолчал.

— То-то, — вздохнул Новиков. — Надо искать другие ходы к банде. Давай-ка поговорим со сторожем.

Старик пришел в полушубке и с узелком.

— Готов я, — сказал он покорно, — только позвольте и батюшке шубу захватить, занеможет он в погребе-то.

Отец Владимир был заперт в церковном подвале, и сторож считал, видимо, что и его отправят туда же. Но узнав, что задерживать его не собираются, начал кланяться, благодарить. Вопрос Новикова о том, кто в эти дни останавливался в доме священника, старик пропустил мимо ушей, а может, сделал вид, что не расслышал.

— Тебе что, дед, переводить надо? — не выдержал Пантелеев. — У тебя русским языком спрашивают, что за люди у попа были?

— Это когда?

— Да хоть вчера, позавчера...

— Откуда ж мне знать, золотые вы мои. Мое дело ночное, а ночью-то кого разглядишь?.. Видал, что люди приезжают, видал — уезжают, а кто — ведать не ведаю...

— Скоков — фамилию такую слышал? — спросил Новиков.

— Как не слышать. Батюшка'наш, отец Владимир, и есть Скоков.

— А племянник его?

— Что племянник?

— Бывал он здесь?

— Кто?

— Вот что, дед, — повысил голос Пантелеев, — ты кончай дурака валять, отвечай — Алексея Скокова, племянника местного священника, знаешь?

— Так ведь разные, говорю, приезжают. А кто — разве мне складывают?

Василий Матвеевич посмотрел на Новикова. «Ну, что с ним делать?» — было написано на его лице.

Степан Яковлевич, успокаивая Пантелеева, тронул его за плечо.

— Пока можешь идти, — сказал он сторожу.

— Только смотри у меня, — сурово добавил Пантелеев.

— А чего смотреть, чего смотреть, — заспешил тот, — я со всей готовностью, только скажите...

Спиной он открыл калитку в церковной ограде и, с поспешностью захлопнув ее за собой, рысцой припустился к флигельку в глубине двора.

— Запуган дед, — глядя ему вслед, сказал Пантелеев. — Или и вправду ничего определенного не знает.

— С людьми надо поговорить, — предложил Новиков. — Не может того быть, что в селе никто ничего не знает, не видит.

...Люди говорили разное.

Наезжают в село конные, обычно ночью, но случалось и днем, только разве определишь — есть ли среди них Скоков. Его же в лицо знать надо... Конечно, когда днем приезжают, люди любопытничают — кто да что... Только от церковного сторожа разве чего добьешься, а к священнику как подступишься?

Наиболее интересные сведения сообщил пастух, глуховатый мужик с заячьей губой. Как-то на рассвете видел он молодого человека в офицерском френче и женщину с ним. Они стояли возле церкви, и когда он проходил мимо них, женщина отвернулась. Молодой человек что-то ему сказал, но пастух слов не разобрал. По описанию человек во френче походил на Алексея Скокова. Что касается женщины, то о ней пастух ничего особенного сказать не мог, разве что в руках у нее были цветы. Пантелеев с Новиковым сочли, что пришла она к Скокову на обыкновенное свидание.

Но если это так, что навряд ли Скоков стал приезжать на свидание издалека. Вышло — банда базировалась где-то рядом.

Отца Владимира выпустили из подвала, извинившись.

Затем демонстративно, в открытую, отряд покинул село, чтобы затем неслашно, оврагами, вернуться к заросшим кустарником задачам.

13.

СТЕМНЕЛО. Отряд выдвинулся в засаду, на заранее обговоренные позиции.

Лунин с пулеметом засел на церковной колокольне; дверь за собой он закрыл, а большой тяжелый ключ положил в карман.

Прилетевший с полей ветерок заносил на колокольню запахи парного молока, сырой земли и сладковатого дыма — на селе была пора ужина.

Лунин курил, вспоминал домашних, прикидывал, где будет добывать сено для коровы. Внезапно он обратил внимание на огонек, мелькнувший в открытых воротах поповской конюшни. Затем услышал, как к церковным дверям подошли люди. Он затушил сигарку и прислушался к разговору. Слов не разобрал, но голосов было несколько.

Загремел дверной засов. «Неужто дозорный внизу проморгал?» — подумал Лунин. Затем тихонько спустился по лестнице вниз, к дверной щели.

В церкви гулко раздавались чьи-то шаги. Потом кто-то остановился возле двери, за которой стоял милиционер.

— Сумки прямо к лошадям! — услышал он тихий мужской голос. — И побыстрее!.. Где отец Владимир?

Стараясь не шуметь, Лунин побежал вверх, лег за пулемет.

От молодого, рогатого месяца толку было мало, но Лунин все-таки различил тропинку, скамейку у ворот, а поглядев направо, увидел тускло поблескивающую речку, ракиты, возле которых стояли невесты откуда взявшиеся лошади под седлами. Лунин точно знал, что еще несколько минут назад их тут не было.

Надо было предупредить Пантелеева, но сделать это можно только выстрелом. А стрелять, значит, открыть свою позицию... Лунин решил ждать.

Не знал, он что дозорные уже сообщили Пантелееву о появлении бандитов, и милиционеры теперь окружали церковь.

Все помыслы Лунина сейчас были заняты одним — не упустить бандитов. И когда они наконец появились, он, немного выждав, дал длинную очередь по площади. Услышал крики, топот бегущих и следующую очередь направил в сторону ракит.

Взвизгнули, ударившись о колокол, пули. Лунин понял, что стреляют по нему. И не от реки, а от дома. Но ответить не мог, продолжая очередь за очередью посылать туда, где были лошади.

Между двумя очередями он услышал зычный голос Пантелеева:

— Лунин! Прекращай огонь! И быстро вниз давай!

— Товарищ начальник, — отозвался Лунин, — на дворе у батюшки пошарьте, кто-то стреляет оттуда!

— Сам батюшка и стрелял, — весело крикнул Пантелеев. — Раскрыл свою божью душу!

14.

ЭТОТ ВИЗИТ в Боровое дорого обошелся Скокову. На пяти лошадях ушли только четверо. Пятая лошадь несла две кожаные сумки, ради которых и сунулся он в эту ночь в село.

Скоков с самого начала неодобрительно отнесся к этой акции. Он не был убежден, что милиционеры ушли из села, а встречи с ними не желал. И не потому, что боялся. Он не хотел рисковать людьми, которые могли ему еще пригодиться в предстоящем долгом пути к

границе. В тех, кто окружал его, Скоков не сомневался. Ограбления, убийства, совершенные вместе с ним, да и без него, — достаточная гарантия «верности». И будь его воля, он давно бы ушел из здешних мест, поближе к долгожданному покою и счастью. Удерживала его зависимость от Хозяина, человека, живущего в Кромске. Тот должен был переправить его через западную границу, а затем свести с нужными людьми. А Хозяин что-то ждал. И вдруг распорядился немедленно забрать из Борового сумки с награбленными ценностями.

Перед тем как появиться в селе, он послал на разведку Ковалева и Сидоренкова. В глиняном карьере дождался их возвращения и сравнительно успокоился лишь тогда, когда те рассказали, что милиционеры из Борового ушли и что отец Владимир ждет их.

Все шло хорошо. Они забрали сумки, переданные им отцом Владимиром, и уже направились к лошадям, когда произошла неожиданность — их обстреляли. Скоков первым, ведя в поводу лошадь, груженную сумками, скрылся в темноте. Лишь у опушки его догнали Маруська, Ковалев и Сидоренков.

— Накрыли, — зло сказал Кузьма. Затем кинул взгляд на сумки: — А ты, однако, очень резвый, Алексей, очень резвый.

— Остальные где? — спросил Скоков, будто не поняв намека.

— О них забудь, — усмехнулся Кузьма, — четверо нас теперь...

15.

ПАНТЕЛЕЕВ был доволен. Трое из банды были убиты, а один ранен в ногу.

Раненый, молодой совсем парень, рассказал все, что знал. Выяснилось, что в банде одиннадцать человек, трое из них несколько дней назад ушли в Кромск. Зачем и к кому — не знает.

— Предполагал я это, — сказал Новиков. — Предполагал, что существует в Кромске недобитая контра, и у этой контры есть пути в милицию.

— Не верю, — горячо возразил Пантелеев.

— Но ведь кто-то сообщил бандитам про разведчика, — настаивал Новиков. — А о нашем выступлении, считаешь, не предупредили?

Пантелеев молчал. Нечего ему было возразить, потому что и сам он не раз возвращался в мыслях к предположению о том, что в милиции завелся скрытый враг. Однако никого из подчиненных не мог заподозрить в измене.

И Новиков, догадываясь о причине молчания Пантелеева, предложил:

— Оставим здесь трех милиционеров. Старшим, если не возражаешь, Лунина. Он справится. В случае чего местные активисты помогут. А нам нужно возвращаться в Кромск. Сдается мне отчего-то, что руководят бандой оттуда.

СЕЙЧАС Скокова беспокоило лишь одно — уходить ли отсюда, с временной стоянки на поляне, к леснику, или в милиции о той базе уже знают. Но и здесь нельзя было оставаться.

Поразмыслив, он послал Ковалева проверить, что там у лесника, а с остальными ночью решил отправиться в Кромск — выяснить у Хозяина, что делать дальше.

С Ковалевым договорились встретиться завтрашним утром в овраге, рядом с глиняным карьером, где в пещере спрятали сумки с ценностями.

До ночи спали в густом орешнике, неподалеку от своей поляны, затем двинулись к Кромску.

Спешились на окраине. Кузьма остался с лошадьми у заброшенного кирпичного завода, а Алексей с Маруськой ушли в город.

К маленькому домику, окруженному садом, они добрались тихой улочкой. Нескольким раз их облаяли собаки, но быстро уgomонились, и к жилищу Хозяина они подходили в полной тишине.

Связь с Хозяином обычно держали через одну базарную торговку. А в исключительных, безотлагательных случаях в дом из всех членов банды имела право входить одна Маруська.

«Если к одинокому мужчине приходит женщина, — пояснял Хозяин, — это выглядит вполне естественно, поскольку мужчина может иметь любовницу. Но если к мужчине приходит мужчина, да еще ночью — это может вызвать кривотолки, особенно в наше беспокойное время. Так что ко мне может приходить только Машенька».

Скоков остановился перед деревом, и тут же Маруська бесшумно исчезла. Прождал ее Алексей минут десять. Наконец столь же неприметно, как и ушла, она вынырнула из темноты.

— В общем так, — зашептала Маруська. — Уходим из этих мест через двое суток. У него есть тут еще одно дело... Велел ждать в карьере, у тайника. В лес и к леснику не возвращаться.

— Слава богу, — обрадовался Скоков. — Теперь, надо полагать, двинем к границе.

МИЛИЦИОНЕРЫ вернулись в город к полудню. Пантелеев сразу пошел во двор, к колодцу — хотелось смыть дорожную пыль, да и взбодриться. Все-таки сказывалась бессонная ночь.

Возле конюшни стояли двое — маленький бородатый человек в очках со шнурком, заброшенным за ухо, и Кудрявцев.

Завидев начальника, милиционер приложил руку у фуражке и бодро поздоровался.

Пантелеев пожал ему руку.

— О чем беседа? — спросил он, разглядывая бородатого.

— Ветеринар это, — пояснил Кудрявцев. — Воронка смотрели...

— Ну и как?

— В порядке ваша лошадь, — сказал бородатый. — Отменного, я вам скажу, здоровья. А недомоганье испытывала оттого, что застоялась.

— Понятно, — кивнул Василий Матвеевич. — Больше не застоится, не дадим.

Кудрявцев с ветеринаром ушли.

Пантелеев двинулся было к колодцу и снова остановился: «А что ж это Демьяныч-то тогда голову с конем морочил. Конюх, не разобраться не может, больна лошадь или нет...

Василий Матвеевич решил тут же пожурить конюха за промашку. Заглянув в ворота, негромко окликнул:

— Демьяныч!

Никто не отозвался. В стойлах забеспокоились кони.

Забыв о колодце, Пантелеев направился к себе. Проходя по коридору, крикнул дежурному, чтобы тот прислал к нему Кочергина.

Снова беспокойные мысли овладели Василием Матвеевичем. Вспомнились погибший разведчик, первоначальная неудача в Боровом, слова Новикова о том, что не мешало бы приглядеться к тем, кто служит у них на конюшне.

«Кудрявцев? — рассуждал он. — Какие могут быть против него подозрения? Парень открытый, честный. Горяч только, иногда перехлестывает, как недавно с мужиками, но не для собственной же выгоды. Нет, не может быть Кудрявцев двурушником. Демьяныч? Старик как старик. Какой из него злодей?...»

Вошел Кочергин, прервав мысли начальника, и сразу же заявил:

— Зачем, Пантелеев, меня на бумажный фронт спихиваешь? Дальше так не пойдет, мне боевое дело нужно, не бумажки...

— Если мы все за бандитами станем гоняться, другие дела некому будет делать, — недовольно отрезал Пантелеев и, отбросив задуманные им дипломатические ухищрения, прямо спросил: — Слушай, Кочергин, ты случаем никому не говорил, что мы разведчика в Боровое посылаем?

Кочергин даже побагровел от обиды:

— Я что — порядка не знаю?

— Да ты не обижайся. Теперь уж ясно, что заранее извещены были бандиты и про разведчика, и про нашу операцию...

— Кудрявцев, случаем, не мог? — осторожно спросил Кочергин.

— Он посвящен в наши планы не был.

— Лошадь-то для разведчика он готовил.

— Ну так что?..

— Мог и сболтнуть нечаянно.

— Кому?

— Откуда я знаю. Сам же говоришь, что про разведчика пронюхали. Я молчал, ты молчал...

— Но Кудрявцев же ничего не знал...

— Мог догадаться.

— Ты вот что! — взорвался Пантелеев. — Если есть какие факты, догадки, — выкладывай!

Кочергин обиженно нахмурился.

— Нету догадок.

Пантелеев подошел к окну.

День был пасмурный. На старом тополе во дворе, нахохлившись, сидели воробы.

— Дождь будет, — раздумчиво произнес Василий Матвеевич. Ему и самому был неприятен этот разговор. — Ты, Николай, не обижайся. Чую, что-то есть, а что — понять не могу. Как все-таки они узнали про разведчика?

Он обернулся.

— Я ж говорю... — начал было Кочергин, но оборвал себя и махнул рукой.

— Ну?

— Да я все про Кудрявцева.

— Давай его сюда! — решительно сказал Пантелеев, усаживаясь за стол.

Кочергин появился первым, следом вошел Кудрявцев.

— Слушай, Петр, — начал Пантелеев, но внезапно, подчиняясь какой-то мелькнувшей догадке, спросил не о том, о чем хотел было, а совсем о другом: — Слушай, Петр, где конюх?

— А он как вчера ушел, будто бы за ветеринаром, так с тех пор и не появлялся.

— Что значит «будто бы»?

— Не был он у ветеринара. За фельдшером утром дежурный посылал. Очень мы боялись за Воронка. Вдруг что...

— Погоди. — Василий Матвеевич поднялся, прошел к окну, поглядел в сторону конюшни, опять вернулся к столу. — Это что ж выходит — пропал Демьяныч?

— Не знаю, — пожал плечами Кудрявцев.

Пантелеев вновь взволнованно прошелся от стола к окну и обратно. Резко обернулся к Кудрявцеву.

— Какие у тебя отношения с конюхом?

— То есть как отношения?

— Ну, о чем, к примеру, вы с ним разговариваете?

— О разном, товарищ начальник.

— А вчера, например...

— Вчера? — Кудрявцев опять пожал плечами, потом оживился. — Вспомнил. Как раз вчера он меня спросил — откуда, мол, очкастый у нас появился?

«Это он о Новикове», — подумал Пантелеев.

— А ты что?

— Я говорю — не знаю.

— Ну, а он?.. Да что я из тебя вытягиваю, сам рассказывай!

— А он ничего, переобулся и за ветеринаром ушел.

— Понятно, — протянул Пантелеев, хотя понятного пока для него было мало. — А откуда взялся у нас этот Демьяныч — надо бы разобраться. Займись-ка, Кочергин, этим...

18.

ПОСЛАННЫЙ Скоковым к леснику Ковалев, возвращаясь, решил завернуть в Боровое к отцу, уверенный, что милиционеры покинули село. До рассвета было еще далеко, ночь стояла темная, собиравшиеся с

вечера тучи обложили небо, и он, не таясь, въехал прямо на главную улицу, чтоб сберечь время.

Он уже подъезжал к церкви, как вдруг услышал тихий, но внятный оклик:

— Стой!

Голос был незнакомый. Ковалев хлестнул нагайкой коня и помчался прочь, прижимаясь к шее лошади, замерев в ожидании выстрелов.

Выстрелили только раз. А потом он услышал конский топот. За ним шла погоня.

Ковалев не испугался и не растерялся. Он уже знал, как поступить. У церкви свернет к карьере, миновав его, спустится в овраг, там коня бросит и кустами вернется обратно к карьере — пусть ищут, в такой темноте-то...

Погоня приближалась. Ему что-то кричали, хлопнул выстрел, еще и еще...

«Подобьют, — впервые с тревогой подумал Ковалев, — сшибут нечаянно».

Но вот и старый сарай у карьера, направо — овраг. Ковалев направил лошадь к нему, но она вдруг поднялась на дыбы, тонко заржала и стала заваливаться на бок. Ковалев едва успел соскочить. Забывшись, он побежал не к оврагу, а к карьере.

Догонявшие его всадники были уже рядом.

— Здесь он где-то, — услышал Ковалев и, не выдержав напряжения, побежал, уже не таясь.

Рядом засвистели пули. Он увидел уходящий вниз крутой откос и прыгнул в карьер. Сверху стреляли. Пуля вонзилась в глину возле головы. И Ковалев, отчаявшись, ответил. Но как только выстрелил, сразу понял, что теперь не уйдет.

И все-таки он пытался добраться до пещеры. Он полз к ней, соскальзывая с крутых склонов. Глина осыпалась, целые комья ее скатывались вниз, и наверху, конечно, хорошо определяли по этому шуму, где он находится.

Единственный раз мелькнула у Ковалева мысль, что нельзя ему ползти к пещере, что он может выдать ее местоположение. Но боязнь за себя, посвист пуль словно гнали его туда, где он надеялся найти спасение.

И уже когда он был у самой пещеры, вдруг кто-то громко, словно находилсЯ прямо у него за спиной, произнес:

— Руки вверх!

Он закричал, выражая в этом диком крике и ярость, и страх, и ненависть, перевернулся на спину и начал стрелять по склону карьера. Последнее, что услышал и увидел, был грохот грома и яростная молния, ослепившая его...

19.

ВСАДНИКОВ Лунин увидел, когда они появились на взгорке, метрах в пятистах от карьера.

Лунин, отличавшийся осторожностью, приказал милиционерам укрыться за деревьями.

Всадники проехали мимо. Никого из них Лунин не знал, а офицерская тужурка на том, кто ехал первым, окончательно убедила его: они снова встретились с бандитами. Он уже думал, как поступить, преследовать их самостоятельно или одного из милиционеров отправить с сообщением к Пантелееву, как вдруг всадники остановились у сарая, один из них увел лошадей в овраг, а потом все вместе они начали спускаться в карьер.

Это удивило Лунина — почему так притягательна для бандитов громадная глиняная яма? И тот, который два часа назад был убит в перестрелке с милиционерами, стремился именно сюда, и эти трое... Может, секрет в той пещерке, где до утра они спрятали труп? Пожалуй, стоит подождать, пока они вылезут из карьера, а гонца все-таки в Кромск направить. Но можно ведь и самим справиться с этой троицей, как-никак силы равные. Последний довод покончил со всеми колебаниями.

— Давай, ребята, мигом до сарая, — приказал Лунин. — Сейчас они приятеля обнаружат и наверняка наверх полезут. Тут не зевай.

От сарая милиционеры ползком добрались к глиняным кучам у склона, и Лунин осторожно выглянул.

Приехавшие все еще пробирались к пещерке, где лежал труп. Под дождем глина намокла, стала скользкой, один неожиданно упал, не удержался, покатился вниз и отчаянно закричал:

— Помогите же, черти!

Лунин удивился — голос был женский.

— Баба, что ли? — тихонько спросил он, оглядываясь на товарищей.

— Вроде, баба, — отозвался один из них.

— Чудеса, — покрутил головой Лунин. На его худом, обросшем за последние дни лице отразилось недоумение.

К упавшей устремился тот, что был в офицерском френче, но тоже упал и заскользил вниз. Третий лишь посмотрел ему вслед, продолжая двигаться к пещере. Те, что упали, теперь стояли на дне карьера, среди выкопанных ям, и о чем-то говорили, поглядывая на третьего. А тот уже подобрался к пещере и исчез в ней.

— Тебе жить не надоело? — зло закричал один из стоящих внизу тонким женским голосом.

— Баба, — убежденно произнес Лунин. — Вот дура, спуталась с кем...

— Кузьма! — окликнул обладатель френча. В голосе его звучала угроза.

Тот, кого звали Кузьмой, вылез из пещеры, некоторое время рассматривал своих спутников, а потом насмешливо и громко спросил:

— Испугались? Только Васька нас всех опередил!

— Врешь! — закричала женщина.

— Чего мне врать, — насмешничал Кузьма, — идите, поглядите... Нарушил он твой приказ, Алексей!

— Теперь понятно, — прошептал Лунин, — тот, что в тужурке — Скоков.

Милиционеры молча наблюдали, как Скоков с женщиной карабкаются к пещере.

— По мне, — прикинул вслух один из милиционеров, Емельянов, —

так забирать их лучше, как на склон полезут. Руки у них заняты будут, держаться им надо, иначе упадут.

— Так и сделаем, — согласился Лунин.

— Не спеши, Алеша! — все еще посмеиваясь, закричал Кузьма. — Нам Ваську на том свете догонять придется!

— Что? — остановившись, зло спросил Скоков.

— Мертвый он...

— Так чего ты орешь! — возмущился Скоков и быстро осмотрел склоны. — Убит? Ножом?

— Пулей-дурой, — уже потише отозвался Кузьма.

— Уходить надо, — забеспокоился Скоков, — вернется сюда милиция, обязательно вернется... Это они Ваську убили...

Он опять осмотрел склоны.

— Марья, уходи к оврагу, мы с Кузьмой сзади. Быстро!

Заметив ее нерешительность, Скоков в нетерпении закричал:

— Черт с ними, с сумками! Уходи быстрее!

Женщина заскользила вниз.

Это озадачило Лунина — значит, из карьера есть другой выход в овраг? Так они вполне и уйти могут. И он скомандовал:

— На мушку берите — один бабу, второй — того, что у пещеры. Ну, а мне Скоков остается. Только без приказа не стрелять!

Дождь прекратился. Глина блестела в карьере, словно облитая постным маслом.

Женщина была в самом низу, среди ям, шла медленно, с трудом передвигая ноги, удаляясь к дальнему склону.

— Быстрее! — не выдержал Скоков.

— Заткнись, скотина, — донеслось снизу.

— Пора, — сказал Лунин и встал, прицелившись в Скокова. — Руки вверх!

Скоков резко повернулся к нему, женщина упала, а Кузьма стремительно исчез в пещере.

— Следи за ним, чтоб носа не высунул, — приказал Лунин Емельянову, — а вы, Скоков с дамочкой, ползайте сюда! Да револьверы бросьте, бросьте...

Лунин не договорил. Скоков, выхватив револьвер, мгновенно вскинул его, и тут же прозвучали два выстрела, сухой, револьверный, и гулкий, винтовочный. Лунин продолжал стоять, а Скоков медленно осел, потом упал на бок и покатылся вниз.

— Вот так, — произнес бледный Лунин. — Поспешил Скоков, нервышки сдали.

Кузьма все еще сидел в пещере, женщина стояла неподвижно, глядя вверх, на милиционеров. Неподалеку от нее навсегда затих Скоков.

И никто не видел, как совсем низко вновь опустились к земле набухшие влагой тучи. Хлынувший дождь, такой сильный, что, казалось, сверху полились сплошные потоки воды, для всех оказался неожиданным. Но бандиты опомнились первыми и воспользовались этой благоприятной для них возможностью.

Женщина побежала к дальнему склону, прячась в ямах.

Емельянов, целясь в нее, спросил:

— Стрелять?

Лунин медлил. Приказать он не решился, как-никак перед ним была женщина. Но она уходила все дальше и дальше.

И Лунин обозлился.

— Что спрашиваешь? Сам не знаешь?

Гулкий выстрел прозвучал тотчас, но было уже поздно — женщина скрылась в одной из расщелин.

Пока милиционеры мешкали, Кузьма выскочил из пещеры и, скользя и падая, ринулся вниз по склону и исчез в той же расщелине.

— Ах, ты! — растерянно крикнул Лунин. — Ушли, никак. А ну, коней выводи, преследовать будем!

— Кони ноги поломают в овраге, — осторожно заметил Емельянов.

— Ноги! — заорал Лунин. Присущая выдержка на этот раз ему изменила. — А сколько эти гады голов могут продырявить? Ты об этом подумал? Преследовать будем и — баста!

20.

ЛИЧНОГО дела Демьяныча не нашли. Был старик внесен в списки личного состава на должность вольнонаемного конюха по своему личному заявлению и согласно рекомендации бывшего военкома, года два назад уехавшего из уезда куда-то на юг.

— Ты понимаешь, — сказал Кочергин Пантелееву, — с канцелярией у нас пока неважное положение. И на некоторых других сотрудников дела еще не успели завести...

— Порядка нет, — осуждающе произнес Пантелеев, и осуждение это относилось и к нему самому, и к Кочергину, и к другим, бывшим и нынешним работникам, и Кочергин понял это и потупился. — А сейчас времени не теряй. Чтоб к вечеру знал, откуда и что этот Демьяныч.

Новиков молча сидел в углу, платком протирал стекла очков. А голос подал, когда Кочергин направился к двери.

— Подожди-ка... Думаю, что поздно обходными маневрами заниматься, зови, Кочергин, Демьяныча сюда. Сдается мне, что с этим дедом встречались мы прежде, — пояснил Новиков, хотя Пантелеев молчал и сосредоточенно, медленно сворачивал «козью ножку». — Кого-то он мне напоминает...

— Наверное, по приезде встречались, потом забыл, — буркнул Пантелеев. Ему не хотелось говорить, что Демьяныч исчез. — Вот и все знакомство. Где ты раньше мог его видеть? Он ведь тутошний.

— Тебе это точно известно?

— Все так говорят.

— Это не довод. Теперь ты сам хорошо понимаешь — можно ли обходиться без канцелярии?

— Ладно, порядок в этом направлении будет наведен. Вот только с бандой покончим.

Кочергин медленно двинулся к двери.

— Где деда искать, товарищ начальник?

Пантелеев, избегая смотреть на Новикова, с силой ткнул сигарку в консервную банку, заменявшую пепельницу, и, сдерживаясь, негромким, но полным ярости голосом, произнес:

— Из-под земли достань мне этого деда, слышишь? Из-под земли...
— Есть, — четко отозвался Кочергин и добавил: — Там милиционер из Борового приехал.

— Давай его сюда, а сам за дедом...

Выслушав рассказ о том, что Лунин и Емельянов ушли в погоню за двумя бандитами и что Скоков убит, Пантелеев несколько повеселел. Основная задача — ликвидация Скокова и его ближайших сообщников — выполняется успешно. Одно лишь омрачало радостное настроение — в глубине души Пантелеев предполагал, что основной костяк банды оставался в Хомутовском лесу, а эта четверка ходила в Боровое на разведку. И если это так, то Лунин мог попасть в засаду.

— Боюсь, не увлекся ли Лунин? — осторожно сказал Пантелеев, искоса посмотрев на Новикова. — А подмогу посылать поздно... И все-таки трех ребят я туда отправлю. Пусть они захватят мужиков из Борового и прочешут лес.

— Пусть, — согласился и Новиков, надевая очки. — А деда найти надо. Он на многое откроет нам глаза.

— Я думаю, и с попом из Борового надо поговорить, — сказал Пантелеев: напоминание о Демьяныче было для него неприятным. — Это определенно интересно. Надо же все-таки выяснить, чего они возле карьера крутятся.

ДОЖДЬ продолжал идти, и Лунин, глядя на блестящие кусты, которыми зарос овраг, понимал, что искать тех двоих будет совсем не просто. Он еще не хотел признаться себе, что упустил бандитов, еще лихорадочно искал выхода, соображая, как поступить и куда направиться, но уже жалел о том, что отправил милиционера известить Пантелеева о случившемся. Втроем все-таки надежней. И думая об этом, Лунин, однако, твердо знал, что возврата уже нет, он обязательно должен найти бандитов. Пантелеев наверняка ждет от него только этого.

— В объезд поедем, — хмурясь, сказал он, — к Хомутовскому лесу. Они по оврагу, а мы в объезд. Сумеем перехватить. Поехали...

Он скакал впереди, винтовку держал в руке, как охотник. Емельянов ехал чуть позади, тревожно поглядывая по сторонам.

21.

МАРУСЬКА и Кузьма Сидоренков по узкой расщелине перебежали из карьера в овраг, отыскивали коней и направились к лесу.

Дождь шумел в кустах. Казалось, что где-то неподалеку работает мельница и беспрерывно крутится водяное колесо. Кони скользили, всхрапывали, словно что-то чувствовали и чего-то боялись. Склоны оврага постепенно становились пологими, кусты исчезли, и вдали показалась темная стена леса.

Они остановились.

— В овраге надо переждать, — сказала Маруська. — Милиция в лес обязательно пожелует.

— К сумкам поближе? — усмехнулся Кузьма. — Или к Алешке?

— Ты не измывайся, — с ненавистью посмотрела на него Маруська.

ка. — Мертвый не ответит, а при живом ты бы рта не раскрыл. Алексея похоронить надо.

— А Ваську?

— И Ваську.

Маруська молча повернула коня и поехала назад.

— Потом похороним! — крикнул Кузьма. — Там же засада, влипнешь!

Она не ответила.

«Тайник откроет, — подумал Кузьма, — милицию наведет. Прощай тогда золотишко...

Он вытащил револьвер и спокойно прицелился. Кожаная куртка Маруськи чернела в серой пелене дождя.

Кузьма выстрелил. Маруськин конь ускорил бег, а сама она медленно сползла с лошади, упала в кусты.

«Отцарствовала, царствие тебе небесное, — покачал головой Сидоренков, — в серьгах бриллиантовых в лесу щеголяла, дура...

Вспомнив о серьгах, Кузьма забеспокоился. Решил вернуться и обыскать Маруську, но вдруг увидел всадников.

Он сразу понял, кто они, и хлестнул коня. Тот помчался к спасительному лесу, но всадники не отставали. Сидоренков начал стрелять через плечо, не целясь, просто стараясь заставить преследующих свернуть, отстать, замешкаться.

Выстрела он не услышал. Кто-то будто молотом ударил его в спину, и он перелетел через голову коня. Широко раскрытыми глазами Кузьма смотрел на стремительно падающее на него облако и испытывал такой страх, что не мог ни подняться, ни закричать. Вдруг вместо облака Кузьма увидел чье-то лицо, ему показалось, что это Скоков, и он обрадовался, сказал громко и отчетливо:

— Живой? А сумки-то...

И захрипел, задыхаясь в упавшем на него облаке...

ЛУНИН наклонился к умирающему бандиту, стараясь понять, про какие такие сумки он говорит. Но глаза у того уже сделались неподвижными.

Лунин выпрямился.

— Кончился. О сумках что-то говорил...

— Повезло нам, — сказал Емельянов с облегчением. — Хорошо, что в объезд поехали. А чего он бабу-то убил?

— Кто их разберет? — отозвался Лунин. — Бандиты они и есть бандиты...

22.

ОТЕЦ Владимир, священник из Борового, на допросе показал, что постоянные контакты имел с племянником Алексеем Скоковым, но считает, что истинный руководитель банды находится в Кромске. Кто он — это ему неизвестно. Почему он убежден в его существовании?

Однажды Алексей ему проговорился, что очень зависит от человека, живущего в городе. Тот поручил ему оберегать тайник, оборудованный в глиняном карьере неподалеку от Борового, где, надо полагать, хранятся и сумки с награбленными ценностями.

— Об их планах ничего не знаете, не догадываетесь?— поинтересовался Пантелеев.

— Могут только догадываться, что собирались они покинуть эти места. И еще — будто бы что-то напоследок затевали здесь, в Кромске...

Пантелеев кивнул, выразительно глянул на Новикова.

...Допрос закончился поздно. Пантелеев и Новиков вышли на крыльцо. Дождь перестал, небо прояснилось, появилась луна. Было так тихо, будто в Кромске не осталось ни одной живой души, кроме них двоих.

— Думаю Лунина окладом премировать,— сказал Пантелеев.— Считаю, что достоин. Не возражаешь?

— Ты начальник,— уклонился от ответа Новиков,— тебе решать, привыкай. А вообще-то правильно.

— Слушай, Степан Яковлевич,— отвернувшись, буркнул Пантелеев,— перебирайся к нам. Мы тут с тобой порядок наведем настоящий, революционный. Да и женим тебя здесь заодно — хватит в бо-былях ходить...

— Не мне решать, Василий Матвеевич,— улыбнулся Новиков.— Есть ведь и у меня начальство...

В тишине раздался телефонный звонок. Слышно было, как дежурный разговаривает с кем-то. Голос его становился все взволнованней.

По коридору разнеслись торопливые шаги, дежурный распахнул дверь на крыльцо.

— Василий Матвеевич, нападение на банк! Тимохин только что оттуда звонил. Шел мимо — видит, двери открыты, а за ними — зарезанный охранник... Сейф взломан...

— Поднимай оперативную группу,— не дослушал его Пантелеев.— А я туда...

Он вытащил из кобуры револьвер.

— Вот он, контра, проявился. Выходит, к банку подбирался.— И обернулся к Новикову.— Ты тут оставайся, а я побежал...

— Успеем ли?— усомнился Новиков. Последних слов Василия Матвеевича он, вроде бы, и не слышал.— Покороче дороги нет?

Пантелеев оглянулся, махнул рукой:

— Давай через больничник сад!

Они перебрались через каменную изгородь и побежали по заросшим аллеям старого сада. В глубине белой громадой поднимались стены высокого дома, а прямо перед ними за кустами сирени темнела бывшая сторожка. Возле нее в лунном свете хорошо был виден человек у дверей, возившийся с замком. Он настолько был занят делом, что даже не обернулся на шум шагов бегущих. А скорее всего, не слышал, потому что именно в этот момент по улице промчались всадники. Это милицмейская группа спешила к банку.

— Ну-ка...— Пантелеев жестом остановил Новикова.— Поглядим.

Наконец неизвестный справился с замком. Дверь со скрипом открылась, и человек скрылся в сторожке.

— Не нравится мне этот полуночник,— сказал Пантелеев.

Они стояли за кустами, наблюдая за сторожкой. Домик казался нежилым. В темных окнах отражалась луна. У дверей виднелось смя-

тое ведро. Сама дверь была сейчас полуоткрыта. Можно было подумать, что в этом обшарпанном домишке с полуразвалившейся трубой давно уже не бывали люди.

Однако не призрак же вошел сейчас туда. Но почему вошедший не зажигает огня? Что он делает в темноте?

Василий Матвеевич посмотрел на Новикова.

— Не нравится мне это,— повторил он.— Пойдем-ка, Степан Яковлевич, потихоньку, посмотрим, что к чему.

Но едва они вышли из-за кустов, хлопнул выстрел. Пуля пропела рядом. Пантелеев увлек Новикова вбок, за деревья.

Стреляли из револьвера. Пули сбивали листья, щелкали по стволам. Пантелеев и Новиков укрылись надежно, видно из сторожки их не было, но стрельба не прекращалась. Теперь оба они поняли, что человек, стрелявший по ним, имеет прямое отношение к событиям в банке.

— Ты его поотвлекай изредка выстрелами, а я за дом загляну. Нет ли там запасного выхода.

Пантелеев побежал, укрываясь за деревьями.

Стрельба вдруг прекратилась. Он прижался к стволу старого корявого тополя и замер, понимая, что надо выждать, сообразить, что собирается предпринимать противник. В такой ситуации выиграть может тот, у кого крепче нервы.

Было тихо.

Пантелеев медленно двинулся к сторожке. Внезапно прямо на него, словно подгоняемые кем-то, из-за домика выбежали две лошади. Он поспешно отскочил в сторону от пронесшихся мимо коней. И лишь в последний момент увидел на одном из них человека.

— Пантелеев!— услышал он голос Новикова.— Ты где?

Василий Матвеевич не отвечал. Он тщательно целился. Было трудно, потому что человек, припав к шее лошади, почти слился с нею. Одна мысль билась в голове — уйдет, уйдет...

Он выстрелил.

Лошадь тонко заржала, взметнулась на задние ноги, потом прыгнула вперед.

И человек свалился с нее, тяжело рухнул в траву.

— Что? Что?— нетерпеливо спрашивал появившийся Новиков.— В кого ты стрелял, в кого?

— Чуть не ушел, подлец,— устало произнес Василий Матвеевич.— Ну-ка, давай глянем...

Они подошли к лежащему, наклонились над ним.

— Конюх?— спросил Новиков. В голосе не было удивления. Спокойный был голос.

— Хитрый негодяй оказался,— угрюмо произнес Пантелеев, избегая смотреть на Новикова.— Про него говорил поп, определенно про него...

Новиков потянул из рук убитого лямки мешка, заглянул в него, вытащил пачку денег.

— Из банка,— вздохнул Пантелеев.

Новиков, присев на корточки, рассматривал лицо конюха.

— Узнаю он меня,— сказал он,— потому и скрылся. Старые мы с ним знакомые. Никакой он не Демьяныч, Василий Матвеевич, а Ковыршин, жандарм. В пятнадцатом году меня допрашивал. Лощеный

был, в пенсне. Перчатки надевал, когда бил, чтоб рук не замарать и не зашибить пальцы... Да-а... бандюгой стал...

Он выпрямился.

— Ну что, Пантелеев, все?

— Все, Степан Яковлевич, все!

Новиков, взглядевшись в суровое лицо начальника милиции, заметил ранее не виденные морщинки и ясно проступившую усталость. Нелегко достались Пантелееву эти несколько дней. «Да и мне не легче», — подумал Новиков.

Пантелеев спрятал револьвер, взглянул на заалевшее на востоке небо и неожиданно улыбнулся — улыбкой человека, завершившего трудное дело.

Герман Тыркалов

ЯВКА С ПОВИННОЙ

РАССКАЗ

ЖУЛИКИ это хорошо уяснили, и участковый инспектор Иван Матвеевич Полухин, конечно же, тоже знал, что легче всего обворовать квартиру в новом доме, когда жильцы еще не успели заменить стандартные примитивные замки, установленные строителями. Чуть ли не все замки можно открыть одним ключом, а если иметь сноровку, то и обычный гвоздь для этого сгодится.

Ныне воровства поубавилось, но береженого, как говорится, и бог бережет. Полухин же, получив в новом большом доме однокомнатную квартиру, на радостях не подумал о надежном запоре. Столько забот навалилось — не до замка! Тем более что жена по случаю новоселья взяла отпуск и почти неотлучно занималась домашними делами. Ну, а Иван Матвеевич, известно, с утра до позднего вечера на службе. Куда денешься — участковый!

Вырвался, однако, Полухин как-то субботним днем, чтобы вместе с женой по магазинам походить — люстру поискать, шторы и еще что-то там купить для новой квартиры. Его Ксения Митрофановна — Ксюша, как неизменно с давних дней молодости называл ее муж, — не решалась без его совета приобретать дорогие вещи.

Пообедали на скорую руку и пошли.

Возвратились домой. Иван Матвеевич задержался на минутку у почтового ящика, чтобы захватить газеты, а жена поднялась прямо-хонько к себе на третий этаж. Поставив посреди лестничной площадки нагруженную покупками хозяйственную сумку, она подошла к двери, вставила в замочную скважину ключ, однако повернуть его не смогла: замок оказался незапертым. «Что за напасть такая?» — заволновалась Ксения Митрофановна. И в это время дверь вдруг распахнулась, и из квартиры шагнул белокурый парень.

— О, господи!— только и успела воскликнуть Ксения Митрофановна.

Непрошенный гость оттолкнул женщину. Споткнувшись о стоящую позади нее хозяйственную сумку, Ксения Митрофановна упала навзничь и, ударившись затылком о цементный пол, потеряла сознание.

В тот момент Иван Матвеевич достиг уже последнего марша лестницы перед своей площадкой. Услышав тревожный возглас жены и почуяв неладное, он ринулся вверх по лестнице.

Между тем белокурый, увидев на своем пути капитана милиции, от неожиданности остолбенел, прижавшись спиной к дверному косяку. Не обращая на него внимания, Полухин бросился к жене и, приподняв ладонью ее голову, ощутил теплую липкую влагу. «Кровь»,— мелькнуло в сознании. Он растерянно глянул на парня и негромко приказал:

— Принеси с кухни водички.

Парень тотчас зашел в квартиру и через минуту вынес чашку с водой.

Иван Матвеевич тщательно старался напоить жену. Янтарными струйками влага стекала по бледному лицу Ксении Митрофановны. Наконец она глотнула.

— Смотри, пьет,— с облегчением сказал Полухин.— Принеси-ка йод: в ванной на полочке флакончик должен быть. И захвати полотенце!

Явно растерявшийся парень беспрекословно исполнил и эту просьбу. Вылив содержимое пузырька на полотенце, Иван Матвеевич осторожно подложил его под голову жены.

— Вот беда-то какая,— тяжело вздохнул Иван Матвеевич.

— Я не хотел, честное слово...— сказал парень.

— А ну-ка давай осторожно перенесем ее в комнату. Помогии...

Вместе с парнем они уложили Ксению Митрофановну на диван. Снимая с жены туфли, Иван Матвеевич взглянул на своего гостя. Тут он как бы очнулся от поглотившего все его существо переживания, осознал реальность случившегося. Иван Матвеевич будто впервые увидел перед собой курчавого белокурого парня и только сейчас отчетливо понял причину его появления.

— Что ж ты натворил!— негромко сказал он.— Разве ж так можно?..

Видно, за живое задела непрошеного гостя эти слова, полные душевной боли и горького упрека. Смятение отразилось на его лице.

— Я не хотел... Честное слово...— не выдохе произнес парень. Неподдельная горечь звучала в его словах. Ушатом воды она выплеснулась на только что вспыхнувший в Иване Матвеевиче гнев к этому человеку. Полухин поостыл, испытывая к парню смутное неосознанное чувство жалости.

— Как звать-то тебя?— неожиданно спросил Иван Матвеевич.

— Лешка,— виновато ответил тот.

— Знаешь что...— Полухин на мгновение замешкался,— знаешь что, Лешка, в доме еще не успели установить ни одного телефона. Будь человеком, мотнись на остановку автобуса, там есть автомат. Позвони по «ноль-три», вызови «скорую помощь»... Как выйдешь из подъезда— направо два квартала... Быстренько только. Очень тебя прошу...

Ни слова не говоря, парень ушел. Но тут же вернулся: принес в комнату забытую на лестничной площадке хозяйственную сумку и в нерешительности остановился.

— Чего стоишь?! Давай скорей!

— А если я убегу?— глянув куда-то в сторону, спросил Лешка.

— Фу ты, ей-богу,— поморщился капитан,— совесть-то в тебе, надеюсь, осталась. Ты позвони, вызови «скорую», а там, как знаешь... От себя ведь все равно никуда не убежишь.

— Как это «от себя»?..

— Слушай, Лешка, не трать зря времени! А все остальное я тебе потом объясню...

Парень понимающе потряс головой и вышел из комнаты.

ЕСЛИ БЫ Полухин попытался разобраться в мыслях и чувствах, которыми был движим, отпуская Лешку, по существу, на все четыре стороны, он должен был бы признать, что нарушил «букву» Устава, упустил, зевнул преступника, «смалодушничал», как на вечернем разводе квалифицировал действия Полухина заместитель начальника отдела майор Злобин.

Поступки человека не всегда определяются холодной рассудительностью, сообразуются с установленными нормами, утвердившимися понятиями. Что поделаешь: человек есть человек! Так случилось и с Полухиным, когда он послал Лешку вызвать «скорую помощь». Тут, конечно, сказалась и растерянность, возникшая при неожиданном несчастье, и желание скорее помочь жене. Остальное не столь важно. Но было и другое. Иван Матвеевич доверился этому парню. Он нутром почуял переживания Лешки, уловил его смятение. Многолетний опыт отложился в Полухине уверенностью, что стыд перед самим собой, душевное переживание — самые строгие судьи для человека. Все другое чего-нибудь стоит лишь в том случае, если заденет его за душу, отзовется в ней добрым порывом.

ВЫИДЯ из квартиры Полухиных на улицу, Лешка испытал сладостное облегчение: ему удалось безнаказанно уйти. Но в то же время он вдруг почувствовал, что ему стыдно. Это чувство нарастало, и Лешка даже не заметил, как, движимый им, бросился бежать по улице в поисках телефона-автомата.

Вероятно, услышав он угрозы и проклятья, которые заслужил и которыми был бы отомщен, и если бы за ним погнались, у него не возникло бы иных чувств, кроме удовлетворения от удачно окончившегося столкновения с работником милиции: хорошо, мол, все, что хорошо кончается. Обошлось и ладно!

Быть может, сформулированный великим Ньютоном закон физики о том, что всякое действие вызывает равное противодействие, относится и к области психологии. Только в одном случае это выражается в форме сопротивления, в другом — покаяния. Все зависит от того, как подойти к человеку.

Его тронуло и удивило, что милицейский капитан не набросился на него с руганью, а искал в нем участия. «Не было иного выхода? Но мог бы орать, звать на помощь людей... Чудно!— думал Лешка.—

Почему он так поступил? Почему?— неотступно преследовал его вопрос.— Какая же я скотина!— казнил себя Лешка. Но, поразмыслив, нашел себе оправдание:— Почему же скотина? Я ведь выполню его просьбу!.. Где же этот проклятый телефон? Надо скорее позвонить!— И опять перед его мысленным взором возникла картина пережитого.— За что я так к людям? Скотина!— стукнул себя кулаком по бедру Лешка.— Нельзя так! Нельзя!— говорил он себе.

Когда Лешка разыскал телефон-автомат, у будки стояло несколько человек. Не обращая на них внимания, он открыл дверь, бесцеремонно потеснил говорившего парня и нажал на предназначенный для трубки рычаг.

— Погоди, мне надо «скорую помощь» вызвать,— деловито сказал Лешка.

— Ты что, очумел?— возмутился парень.

— «Скорую помощь», понимаешь!— гаркнул ему в лицо Лешка и вывернул из его руки трубку.

Кто-то из ожидающих своей очереди распахнул дверь, и на Лешку обрушился поток брани, а раздосадованный парень больно ткнул Лешку прямо в нос. В иные времена Лешка непременно бы ввязался в драку, а сейчас только оттолкнул парня и заорал:

— «Скорую помощь» надо вызвать! Там, в угловом доме, сейчас на женщину напали, чуть не убили, а вы тут выступаете!

Люди примолкли. А Лешка, набрав номер, стал по телефону нескладно объяснять, что к чему и куда следует подъехать, то и дело повторяя: «Минуточку, я вам сейчас все растолкую... Минуточку, не кладите трубку...»

Когда умытый потом Лешка вышел из телефонной будки, люди загомонили:

— Что случилось-то?

— Ножом, что ли?

— Вот гады! И откуда они только берутся?..

— Руки таким надо отсекай!

— Точно,— откликнулся Лешка и, не задерживаясь, пошел опять к дому, чтобы встретить «скорую».

«Все обошлось, и ладно»,— мысленно твердил он, но на душе было скверно. Сунув руку в карман, Лешка нащупал украденное в квартире старинное золотое с камушками колечко. Ему хотелось зашвырнуть его и таким образом окончательно разделаться со всей этой нескладной историей, но что-то удержало Лешку.

Он ходил взад и вперед у дома в ожидании врачей, и минуты ему казались часами. Хотел еще раз сбежать к телефону, но не решился отлучиться, так как номера квартиры он по телефону назвать не мог и обещал встретить врачей у дома. Тогда он подошел к группе занятых своими забавами ребятишек и попросил старшего из них — мальчишку лет десяти — сбежать на остановку автобуса и позвонить еще раз по «ноль-три». Тот без энтузиазма выслушал Лешку, в знак согласия молча кивнул головой, и не торопясь, пошел в нужном направлении. Но дойдя до торца дома, он обернулся и тут же юркнул за угол. «Вот стервец»,— ругнулся Лешка. Он загорелся было желанием ринуться навстречу мальчишке с другой стороны дома и вознаградить его затрещиной, но в этот момент увидел приближающуюся машину «скорой помощи».

Лешка сопровождал двух женщин в белых халатах на нужный этаж, указал на двери и спустился вниз. Поболтал о том о сем с шофером «скорой помощи» и сделав вид, что торопится, он пошел прочь. Свернув

за угол дома, Лешка, однако, остановился и, не выдавая своего присутствия, стал наблюдать за происходящим.

Через некоторое время из окна окликнули шофера. Тот, достав через задние дверцы автомобиля носилки, вошел с ними в подъезд. А еще минут через десять шофер и милицкий капитан вынесли на этих носилках женщину с перебинтованной головой.

Лешка круто повернулся и пошел куда глаза глядят. Он шагал, ничего не замечая вокруг, занятый своими мыслями. «Руки таким надо отсекаль»,— вспомнил он фразу, услышанную у телефонной будки.

— Пошли вы все!...— вслух ругнулся Лешка.

ОТПРАВИВ жену в больницу, Полухин явился в отдел и доложил о случившемся заместителю начальника майору Злобину. Не хотелось, конечно, обо всем этом говорить, совестно как-то, но куда денешься. Не скажешь, а потом невзначай всплывет вся эта история — неприятностей не оберешься. Оно и так-то обернулось тяжело.

Его доклад вызвал явное неудовольствие. Понятно: тут и ротозейство налицо, и преступника упустил, да к тому же пострадала жена работника милиции. «Что же это за милиция?! Докатались до того, что бьют милицеских жен, обворовывают под носом у участкового его квартиру...»— напустился на Полухина майор.

А начальство, оно ведь такое — критиковать умеет. Раскрутило дело, как говорится, на всю катушку.

«Опозорил ты, Полухин, милицию,— говорил начальник отдела на вечерней планерке.— До чего ж дошла беспечность?! Ай, позор! Ай, какой позор!— стонало начальство.— Из-под носа упустил преступника! Надо было соседей поднять, понимаешь. Общественность привлечь и скрутить этого подонка!...»

Ничего не мог сказать в свое оправдание Иван Матвеевич.

КОГДА Лешка пошел прочь от дома Полухиных, ему захотелось преодолеть горькое чувство раскаяния: «Пошли вы все!.. Лешка смачно выругался, имея в виду и милицеского капитана, и его жену, и тех, кто возмущался у телефонной будки, да и вообще всех на свете. Однако это не помогло. Он чувствовал себя одиноким и никчемным. «Руки таким надо отсекаль»,— вспомнил опять Лешка. Он подумал о друзьях-приятелях, но никого из них ему не захотелось видеть. Он знал наперед: опять водка и те же пустые однообразные разговоры, что были вчера, позавчера... Он вспомнил о матери, но и она была для него чужим человеком. А отца Лешка вообще не знал. Мать разошлась с ним, когда Лешке не было и двух лет.

Сейчас он жил в общежитии строительного треста, где некоторое время работал шофером, но недавно его за пьянку лишили водительских прав, и теперь вот слонялся без дела. Идти слесарить не хотелось. Решил взяться за старое. А ведь когда-то любил Лешка мастерить. Интереснее занятия и не знал. Учился он в то время в профтехучилище. В двореком сарай соорудил себе верстак, провел туда электричество. Мастерил самокаты, ходули, потом трудился над моделями самолетов.

Был у него друг Гена. Одногодок. В профтехучилище родители Гену не пустили, и он с горем пополам добывал десятилетку. Гена жил в соседнем многоэтажном доме, и были они с Лешкой неразлучными друзьями.

Зная о Лешкиной задумке соорудить токарный станок, чтобы вытачивать всякие там детали, Гена как-то сообщил, что у одного из его соседей в сарае стоит станок от старой швейной машины с ножным приводом. «Если попросить — не даст. Больно жадный», — сказал Гена, — давай украдем». В тот же вечер друзья попытались сорвать замок на сарае, но были застигнуты при этом хозяином, который поднял неимоверный гвалт. Во дворе собрались люди, прибежал Генкин отец, позвали Лешкину мать. Не выслушав никаких объяснений, она тут же отхлестала Лешку по лицу, схватила на шиворот и пове-а до-мой, приговаривая:

— Опозорил мать на всю улицу!

Лешка пытался объяснить ей, как все это произошло, стал рассказывать в свое оправдание о токарном станке, но мать еще больше взбеленилась, взяла топор и пошла ломать Лешкин верстак.

Горечь и обида захлестнули Лешку, и он убежал из дому к ребятам в общежитие.

Через два дня мать пришла в училище и вместе с заместителем директора разыскала его. Деваться было некуда — вернулся домой. Лешка хотел все как есть рассказать матери, успокоить ее, но та не особенно слушала. Хотя она сейчас и не кричала, но то и дело причитала: «Ох, загонишь ты меня в гроб!» От этого было не легче.

С этого дня Лешка в училище больше не появлялся; мать об этом долгое время и не догадывалась, а узнала от работников милиции, когда те пришли с обыском. Оказалось, что Лешку и еще каких-то его дружков обвиняют в воровстве копилок из автобусных билетных автоматов.

Мать устроила истерику и велела Лешке убираться с глаз долой.

Тогда Лешка и попал в колонию. Уж больно дерзко вел он себя на суде. На вопрос: «Почему не работаешь и не учишься?» — отвечал: «Это мое дело, так мне нравится!» Никто за него не вступился, и было ему тогда безразлично, что решит суд.

Когда вышел на волю, опять нескладно получилось. Работать сразу не пошел, решил осмотреться. Остановился у одного знакомого, связался с девичей, занимавшейся спекуляцией. Соблазнился легким заработком, стал ей помогать. Опять суд, опять колония. Там кое-кто встретился из тех, с кем прежде пришлось отбывать наказание. В такой компании раскаяния не в моде...

...Верно говорят: в чем млад похвалится, в том стар покается. Видно, пришло и Лешкино время.

Вернувшись поздно вечером в общежитие, Лешка, не раздеваясь, завалился в постель. Но сон не шел. Ворочаясь с боку на бок, он с тревогой думал о возможном появлении милиции. Его не пугали ни суд, ни наказание. Он смертельно боялся только того, что ему помешают увидеться с тем добрым человеком — капитаном милиции, которому он принес беду и который, тем не менее, доверился ему.

Встреча эта представлялась Лешке как единственное средство избавиться от душевных страданий. Казалось, он находился в сфере действия какого-то неведомого магнита, притягивающего его туда, где произошла эта мрачная история.

«Вдруг меня заберут — все пропало. Даже если после этого и

удастся увидеть его, написать ему, он не поверит, подумает, что я вру, выкручиваясь, как пойманный уж»,— думал Лешка, с трепетом прислушиваясь к звукам, доносившимся с этажей общежития. Он то и дело поглядывал в окно — не проспал бы рассвет.

Рано утром Лешка вышел из общежития и вскоре стоял перед знакомой дверью. Нажал кнопку звонка и тотчас услышал шаги, будто там и не спали, а всю ночь только и ждали его появления.

Дверь открыл хозяин квартиры. Он был в форменной рубашке с расстегнутым воротом. Спать, видно, не ложился. Капитан не сразу узнал Лешку, а узнав, удивился:

— А, это ты! Чего тебе?

Лешка деловито извлек из кармана украденное кольцо и, ни слова не говоря, сунул его хозяину квартиры:

— Увел вчера у вас колечко...

Капитан нервно кашлянул:

— А чего ж назад принес?— Он невесело усмехнулся.— Ну, вообще-то молодец, конечно. Да заходи, чего стоять-то у дверей.

Лешка шагнул в коридор:

— Стаканчик воды можно?

— Меня зовут Иван Матвеевич Полухин. На кухне попей,— капитан посторонился, пропуская гостя, не торопясь закрыл дверь и, шаркая домашними шлепанцами, прошел в комнату. Тут же, вытирая ладонью губы, появился Лешка.

— Садись,— кивнул в сторону дивана Полухин.

Лешка присел.

— Ну, как она?

Иван Матвеевич понял, что речь идет о его жене.

— Да ничего, поправится... Переживаешь... значит,— не то утвердительно, не то спрашивая, проговорил Полухин.— Совесть, она без зубов, но грызет... А?

Вздыхнув, Полухин принес из кухни пепельницу и сигареты.

— Я не хотел, клянусь...— опустил Лешка голову.

— Переживаешь.— Иван Матвеевич в задумчивости расхаживал по комнате.— Ты ведь, в сущности, хороший парень, ей-богу, правда.— Он остановился, посмотрел на Лешку и добавил:— Но малость того...— Полухин выразительно постучал указательным пальцем по лбу.

— Это точно,— криво улыбнулся Лешка.

— Что собираешься делать-то?

— Не знаю. Пойду, наверно, в милицию. Решайте, как положено, по закону.

— В милицию... В милицию...— в раздумье повторил Иван Матвеевич.— Черт его знает... В милицию... Это ты, пожалуй, правильно рассуждаешь. Чтб оно было все по закону, «как положено», и грех с души снять... Работаешь-то где?

Лешка цокнул языком и отрицательно помотал головой:

— Не работаю.

Они еще потолковали с полчаса и порешили, что в первую голову надо устроиться на работу.

— Так оно надежней,— раздумывая над чем-то, сказал Иван Матвеевич.— Сейчас на завод пойдем, а уж оттуда в милицию. Так оно надежней...— повторил он.— Не хотелось бы, понимаешь, тебя под суд упекать. Может, все обойдется. Давай присядем перед дорогой, на удачу.

Они посмотрели друг на друга и улыбнулись.

— Я тебе до зарплаты деньжонок займу — перебежешься! — засуетился Иван Матвеевич. Он открыл дверцу шифоньера, где, видно, лежали деньги, а Лешка ощутил в горле ком, и глаза его наполнились слезами. Он хотел что-то сказать Полухину, но почувствовал, что сейчас заплачет, и быстро вышел в ванную. Тут Лешка прямо из крана попил воды, ополоснул лицо, успокоился. Глянув в зеркало над умывальником, усмехнулся и пригладил ладонями непокорные белокурые волосы.

— Ну что, пошли? — услышал он негромкий голос Ивана Матвеевича.

— Пошли, — отозвался Лешка и совсем неожиданно для самого себя добавил: — Пошли, батя!

ПОЖАР В СТЕПИ

РАССКАЗ

Я НЕ РАЗ убеждался, как важно быть человеку на своем месте, мастером своего дела...

Это случилось в степи. Мы мчались на порывевшей от пыли «Волге» в далекое, затерянное село по каким-то, уж сейчас не помню, неотложным делам. Все вокруг тонуло в белесом от зноя мареве. Золотыми айсбергами плавали на скошенных полях скирды соломы. Несмотря на то что ноздри напрочь были забиты дорожной пылью, явственно ощущался терпкий аромат полыни, спелого зерна и половы. Пронзительно стрекотали невидимые кузнечики, и казалось, будто это поет сама земля, убаюкивая мир своим благоуханием и невозмутимым спокойствием.

Утомленный дальней дорогой, неизменный в поездках спутник многоопытный шофер Павел Лукич Тарасов легко держал в своих огромных руках баранку руля, ведя машину вопреки установленным правилам у левой обочины большака. Обычно в подобных случаях, когда добрый друг Лукич делал что-либо не так, как следует по правилам, я с напускной строгостью грозился посадить его на гауптвахту, что было не чем иным, как банальной шуткой. Лукич настолько привык к этим замечаниям, что последнее время в соответствующих ситуациях упреждал их сообщением о том, что по возвращении из командировки немедленно отправится на губу.

Так мы ехали, млея от жары, встряхивая себя пустопорожней болтовней, и, казалось, ничто не предвещало беды. Но беда была рядом.

Вдруг впереди, справа от дороги, мы увидели дым и какое-то столпотворение.

— Пожар, что ли? — вслух подумал я.

Не дожидаясь команды, Павел Лукич свернул с наезженной дороги, к буртам пшеницы, вокруг которых суетились люди. По мере приближения к ним мы увидели, что горят два огромных, напоминающих песчаные дюны бурта зерна, тонн этак под триста каждый. Сильный ветер способствовал усилению губительного огня и, что было самое страшное, гнал клочья горящей соломы по стерне в сторону бензохранилища, расположенного в сотне метров от пожара.

Ликвидацией пожара занималось по меньшей мере человек пять — десять. То и дело подъезжали автоцистерны с водой. Но — удивительное дело — вода не давала желаемого результата: мало того, что ее не хватало, к тому же она скатывалась по зерну и лишь на какое-то мгновение сбивала огонь. У подножия буртов люди увязали по шиколотку в грязи, а пожар не прекращался.

Руководил (если можно употребить в данном случае этот термин) тушением пожара упитанный крепыш лет сорока с основательно охрипшим баритоном. Как выяснилось позднее, это был председатель колхоза. Он явно находился во власти паники, его действия выдавали крайнюю растерянность. Председатель бесцельно месил грязь, бегая из конца в конец между буртами. Вот он выхватил у одного парня из рук лопату и какое-то время неистово сбрасывал с бурта горящее зерно, а потом, забыв возвратить ее хозяину, так и мотался повсюду с этой злополучной лопатой, нещадно ругаясь по поводу и без повода.

Вдруг он на какое-то время бросил лопату, схватился за шланг, стал кому-то помогать тянуть его по проходу между буртами, но поскользнулся и чуть было не упал, тут же опять схватил лопату и побежал к подъехавшей водовозке давать какие-то указания.

Уже позже, познакомившись с председателем, я имел возможность убедиться, что в принципе он не был паникером, хотя уравновешенность и степенность не являлись определяющими чертами его характера. Он был человеком несколько суетливым, эмоциональным. Это, впрочем, не мешало ему довольно успешно руководить крупным хозяйством. Но перед стихией растерялся.

Увидев все это, поспешил преградить путь огню к бензохранилищу, велел выплеснуть на стерню три или четыре цистерны воды и убрать вокруг бензобаков солому. А вот чем заняться дальше, как помочь беде, толком не знал и, чувствуя свое бессилие, испытывал прилив какой-то неосознанной злости.

— Пожарных вызвали? — спросил я у председателя.

— Так точно, — по-военному отрапортовал он.

— Давайте еще людей... Нужно мобилизовать все емкости для подвоза воды...

— Уже выехали с соседних сел, — выдохнул председатель. — А также все молоковозы, бензовозы мобилизованы...

Он стоял, глядя на меня испуганными глазами, которые красноречиво вопрошали: «А что еще предпринять?»

Больше мне нечего было сказать. А между тем стелющиеся под ветром едва заметные в лучах яркого солнца злобные язычки пламени продолжали ползти по буртам, угрожая уничтожением огромных ценностей.

Виноватым выглядел и Павел Лукич. За многие годы работы он усвоил, что начальство людей поднимет, решит нужные вопросы.

Старый шофер любил вспоминать о том, как однажды, возвращаясь из командировки, мы случайно столкнулись с вооруженными грабителями и вышли из этой схватки победителями.

Дело было поздним зимним вечером. Проезжая по безлюдной проселочной дороге, невдалеке от животноводческой фермы услышали два выстрела. Остановив машину и оставив в ней Павла Лукича, я пошел к ферме по заснеженному полю. Ночь была лунной, и вокруг все довольно хорошо просматривалось. У двери тамбура, пристроенного к ферме, заметил двух парней, к которым присоединился

и третий, вышедший из помещения. По мере моего приближения (я был в форме) один из них бросился бежать к стоявшей поблизости полуторке. Тут что-то неладное. На манер того, как можно было бы выхватить из кармана пистолет (если бы он был у меня), извлек связку ключей и гаркнул что было мочи:

— Стой, стрелять буду!

Бежавший остановился, не поворачиваясь, присел от страха на корточки и обхватил руками голову. Тут я увидел в руках у тех, которые остались стоять у тамбура, ружье и обреза... Продолжая уверенно шагать, крикнул в сторону своей «Волги»:

— Оружие к бою!

Хотя у Павла Лукича, как и у меня, не было тогда при себе никакого оружия.

— Бросай свои цапки, а то перестреляем вас, как куропаток! — приказал растерявшимся парням. Видимо, на них подействовала разыгранная мной инсценировка, уверенность и железо в голосе, потому что ружье и обреза они тут же бросили к своим ногам.

Это было уже совсем неплохо. Снова рывкнул во всю силу своих легких, стараясь тем самым подавить возможные проявления сопротивления со стороны незнакомцев:

— Лицом к стене!

Властный окрик возымел действие, и парни тут же повернулись ко мне спиной. При этом сначала один из них, а потом другой подняли вверх руки. Не мешкая, я завладел одноствольным ружьем и двухствольным обрезом. Тут же проверил, как они заряжены. Далее было уже легче. Двое из задержанных оказались опасными преступниками из соседней области. Вооружившись обрезом, они подговорили знакомого шофера, который сумел взять из гаража полуторку, толком не зная о замышляемом. Преступники напали на ферму. Дежурный скотник, у которого было ружье, сделал предупредительный выстрел. Тогда один из незваных гостей пальнул по работнику фермы и ранил его. Завладев ружьем, они закрыли истекающего кровью человека в подсобном помещении, намереваясь приступить к забойу свиней, и вот тогда то и заметили, что из остановившейся «Волги» в сторону фермы направился какой-то человек. Различив форменное обмундирование, шофер бросился было наутек, но сдрейфил от предупредительного окрика и остановился. Потом, как уже известно, были обезоружены и его повелители.

Насмерть перепуганный шофер оказался неплохим парнем, и мы отправили с ним в больницу раненого колхозника, двум другим надежно связали руки, после чего отвезли преступников в милицию.

Этот давнишний случай остался в памяти Павла Лукича, и тот иногда рассказывал о смелости начальника.

И вот теперь этот самый начальник вроде как бы опростоволосился.

Вскоре на пожаре еще прибавилось народу, и почти непрерывно к буртам зерна подкатывали автомашины с водой, но огонь сбить не удавалось. Точнее говоря, на политых участках пламя исчезало, но через некоторое время на том же месте вновь появлялся дымок, а затем и огонь. И вот тогда-то прибыла пожарная машина: одна-единственная и с боевым расчетом в количестве трех (!) человек. Когда командир расчета, молодой художавый лейтенант, как положено по уставу, доложил мне о прибытии и спросил разрешения приступить к тушению пожара, я сквозь зубы процедил:

— Что ж вы тут втроем сделаете?

— Как? — не понял меня лейтенант. И весело ответил: — Шас все потушим!

— Ну-ну, — глянул я исподлобья на приткого пожарного.

— Бросьте вы с ведрами толочь зерно! — Это, не дожидаясь указаний своего командира, сказал колхозникам прибывший на пожарной машине сержант. — А ну все слезайте с буртов!.. Да потихоньку, потихоньку! Не губите добро!

— Ты што?! — бросился к сержанту председатель колхоза.

— Слушай сюда! — крикнул ему лейтенант. — Слушай сюда, — уже более спокойно повторил он, когда колхозное начальство с недоумением уставилось на лейтенанта. — Убери всех до одного с буртов. Отбери мне двадцать человек с лопатами, построь их здесь! — лейтенант указал пальцем на то место, где следовало построить людей. — А остальные пусть идут домой, понятно? И зазря грязь не разводите: три машины с водой оставь, остальные тоже пусть убираются отсюда, — неторопливо потребовал лейтенант.

Его уверенный, спокойный тон, будто речь шла о самых обыденных делах, сразу как-то охладил толпу.

Построив два десятка людей, лейтенант, не спеша, стал их инструктировать:

— Осторожненько с боков залезьте на бурты и там, где горит или дымится, сгребайте лопатой до самого низу. Понятно? Ни боже мой не наступайте туда, где дымится, чтоб не утопить огонь вовнутрь. Понятно?

— Давай, друг, скорей, — торопил его председатель колхоза.

— Даю, — невозмутимо откликнулся лейтенант и продолжал свой инструктаж: — Кому что непонятно, подымите руки...

Всем все было понятно, и лейтенант велел сержанту развести по буртам людей; сам же он направился к пожарной машине, извлек из-под сиденья резиновые сапоги, присел на ступеньку, переобулся, надев их вместо хромовых, и пошел к горящему зерну. Потом он ходил вдоль буртов, давая какие-то указания, делая замечания, подсказывая что-то орудующим лопатами людям. Максимум через полчаса бурты были аккуратно очищены от горевшего зерна. Вглубь огонь пробраться еще не успел, и потери были незначительные. Тлевшее зерно залили водой, и пожара как ни бывало.

— Ну молодец! Ну артист! — восхищался председатель колхоза.

Пока люди счищали с себя пыль и грязь, забрасывали в кузов грузовика лопаты и ведра, сворачивали шланги, лейтенант переобулся опять в хромовые сапоги и самым что ни на есть обыденным тоном, каким Павел Лукич просит меня подписать путевой лист, козырнув, обратился ко мне:

— Товарищ полковник, разрешите ехать?

— Спасибо, лейтенант! — пожал я ему руку.

В ответ он кивнул, спасибо, мол, и вам, тут же забрался в кабину пожарной машины, в которой уже сидел его боевой расчет, и умчался...

Содержание

Михаил Трофимов ВОКЗАЛ	3
Эдуард Дорофеев СТОЛКНОВЕНИЕ	37
Герман Тыркалов ЯВКА С ПОВИННОЙ	68

Сдано в набор 14.12.83 г.
Подписано к печати 18.01.84 г.
А-01802.
Формат бумаги 84×108 1/32.
Условных печатных листов 4,2.
Печатных листов 2,5.
Тираж 150000 экз.
Цена 25 коп.
Заказ 46.

Адрес редакции: 127434, Москва, ул. Ивановская, 24.

Телефоны: 216-87-66, 216-86-66, 211-06-69.

Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Калинин, пр. Ленина, 5.

есной Ибрагим-бек, «наместник великого эмира бухарского», в последний раз перешел границу Советского государства. Словно предчувствуя час близкой расплаты, басмачи всюду сеяли смерть. Казалось, сама земля стонала от их бесчинств. Против бандитов был брошен отряд пограничников и добровольцев — дехкан. Командовал ими девятнадцатилетний Мамеджан Исафаров, совсем недавно направленный ЦК комсомола Таджикистана на борьбу с басмачеством.

Несмотря на молодость, Мамеджан пользовался среди бойцов непререкаемым авторитетом. И по праву. Удаль и бесстрашие юного командира внушали ужас басмаческим бандам. Личный счет поверженных головорезов мог удовлетворить и более зрелого воина, но Исафаров и не помышлял о передышке.

Весть о появлении Ибрагим-бека наполнила душу Мамеджана решимостью встретиться с курбаши лицом к лицу. В нагрудном кармане комсомольца, потерявшего несколько лет назад родителей при нападении бандитов на родное село, лежала фотография человека с редкой бородкой и тусклыми, чуть прищуренными глазами. Вот его-то и искал везде Мамеджан. Хитер и изворотлив был «наместник эмира». Он устраивал в кишлаках сборища, обещая доверчивым вечный рай за участие в диверсиях и грабежах. Молва о нем катилась из селения в селение, а захватить Ибрагим-бека никак не удавалось.

Однажды в Локанской долине отряд напал на след. Враг был совсем рядом. Завязалась перестрелка. Исафаров в бинокль увидел, что пуля ранила курбаши в правую руку. Еще немного... Но резвый иноходец вынес бандита из-под обстрела.

Кольцо вокруг главаря басмачей тем не менее медленно сужалось. Теснимый со всех сторон преследователями, он предпринял отчаянную попытку удрать в Афганистан. Июньским утром к Мамеджану пришли колхозники из кишлака Бульбулон. Они сообщили о том, что курбаши со свитой засел на правом берегу реки Кафирниган. Здесь он и был схвачен.

Так закончился бесславный поход басмачей на Советский Таджикистан. За подвиги Мамеджан Исафаров получил высокую награду — орден Трудового Красного Знамени Таджикской ССР. А впереди была еще целая жизнь, полная новых испытаний и побед...

1930

Биография мужества

ОБ АВТОРАХ

ТРОФИМОВ М. Д.
родился в 1924 г.
в с. Токарево Люберецкого района
Московской области.
Закончил Всесоюзный юридический заочный
институт.
Был народным судьей, работал следователем
в органах внутренних дел.

ДОРОФЕЕВ Э. Д.
родился в 1934 г.
в г. Ельце Липецкой области.
Закончил Всесоюзный государственный
институт кинематографии.
Член Союза журналистов СССР.
Автор многих публикаций и книги о работниках
милиции.
В настоящее время работает заведующим отде-
лом областной газеты «Орловская правда».

ТЫРКАЛОВ Г. К.
родился в 1928 г.
в г. Ростове-на-Дону.
Имеет высшее юридическое образование.
Служил на флоте. Работал в партийных, советских,
комсомольских органах. С 1966 года — в орга-
нах внутренних дел.
Работал в Центральном аппарате МВД СССР.
Автор многих очерков, рассказов, повести о
сотрудниках милиции.

Георгий Долгов

**ТРИНАДЦАТЫЙ
МАРШРУТ**

В
СЛЕДУЮЩЕМ
ВЫПУСКЕ

